

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПАВЕЛ КОРНЕВ
ДИВИЗИОННЫЙ
КОМИССАР

Город Осень

Павел Корнев

Дивизионный комиссар

«АЛЬФА-КНИГА»

2013

Корнев П. Н.

Дивизионный комиссар / П. Н. Корнев — «АЛЬФА-КНИГА»,
2013 — (Город Осень)

Мир, расколотый на части, и связывают их лишь железные дороги. Поезда, мчащиеся напрямик через застывшее время. Алхимические фабрики, перерабатывающие и пережигające в энергию саму Вечность. Странные и страшные сущности, иной раз проникающие в города и одним своим касанием превращающие людей в «тронутых» – тех, кто перестал быть живым, но кому не повезло при этом умереть. Главный герой – специальный комиссар полиции, расследующий дела, в которых замешаны сущности, подпольные алхимики и бомбисты. Когда по городу прокатывается череда странных убийств и ограблений, он вдруг понимает, что разгадка может крыться в его прошлом.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Павел Корнев

Дивизионный комиссар

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Ключ в замке входной двери провернулся почти бесшумно, но хватило и этого. Я проснулся.

Проснулся, нашарил под кроватью штуцер, направил его граненые стволы в коридор.

А оттуда – щелчок выключателя, скрип платяного шкафа, приглушенный шорох душа. После – осторожные шлепки босых ступней.

Когда Анна зашла в спальню, оружие вновь лежало под кроватью, а я делал вид, будто крепко сплю.

– Не притворяйся, – улыбнулась девушка, повесила влажное полотенце на подлокотник кресла и забралась под одеяло.

Повеяло легкой смесью духов, вина и табачного дыма; я провел ладонью по нежной коже стройного бедра, но Анна вдруг выгнула спину, вытесняя меня с нагретого места.

– Тебе пора! – пробормотала она. – Опоздаешь.

– Вот так всегда, – пробурчал я, усаживаясь на кровати.

– Это твой рабочий график, – напомнила подруга. – Не мой.

– Никто и не спорит.

Поежившись, я взял с тумбочки наручные часы и взглянул на светившиеся в темноте стрелки.

Без четверти полночь. И в самом деле – пора.

– Поздно ты сегодня, – зевнул я, защелкнув на запястье металлический браслет хронометра.

– Была на открытии дома-музея Дэвида Волина. – Анна перевернулась на другой бок и зевнула. – Устала как собака. Ног не чувствую.

– Это кто еще такой? Первый раз слышу.

– Если бы ты хоть самую малость интересовался моей работой...

– Меня интересуешь ты, а не твоя работа.

– Не прочитаешь сегодняшнюю статью, разговаривать с тобой не буду.

– Договорились, – усмехнулся я, поднялся с кровати и отправился в ванную комнату.

Холодный душ мигом прогнал остатки сна, зубной порошок избавил от неприятного прикуса во рту, а вот побриться я уже точно не успевал, поэтому лишь задумчиво потер колючую щетину на подбородке и вернулся в спальню. Открыл стоявший у двери шкаф – и комнату осветило сияние расчертивших полировку полок серебряных линий. Металлические пентаграммы и гексаграммы тихонько мерцали, подсвечивая расставленные в их вершинах патроны.

Шестиконечные звезды давали приют тупоконечным мельхиоровым коротышам; пентакли занимали их старшие братья – винтовочные боеприпасы пятидесятого калибра. Там уже ни о каком мельхиоре и речи не шло: и гильзы, и вытянутые пули изготавливались из чистого серебра. Стоявшие наособицу патроны к штуцеру семьдесят пятого калибра тоже были полностью серебряными, только темнели свинцом экспансивные полости пуль. На общем фоне они казались настоящими великанами, и немудрено: калибр три четверти дюйма – это серьезно.

– Мешаешь спать, – сонно пробормотала Анна.

– Сейчас, – пообещал я и натянул брюки. Застегнул сорочку, начал завязывать галстук и задумался, какой из револьверов выбрать: табельный «Детектив» или личный «Марли» с более длинным, трехдюймовым стволом.

Решив в итоге обойтись компактным «Детективом», я откинул в сторону барабан револьвера и осторожно взял один из мельхиоровых коротышей. Пальцы уловили неприятную дрожь заточенной в заряде *суициности*, но к подобным ощущениям мне было не привыкать. Гильза

мягко провалилась в камору, оставив на виду лишь донце с вырезанным из серебряной фольги пентаклем.

Конструкция проще некуда: жмешь спуск, боек разрушает пентаграмму и заточенная в патроне сущность вырывается на волю. Прошивая все на своем пути, она, в зависимости от длины ствола, мчится футов сорок – пятьдесят, а потом попросту исчезает, растворяясь во враждебном ей пространстве и времени.

Стрелять пулей, разумеется, надежней, но не брать же на деловую встречу винтовку? За барабанным карабином по праву закрепилась дурная слава излюбленного оружия гангстерских разборок, да и под плащом его прятать неудобно...

Я вынул из пентаграммы второй патрон, загнал его в камору откинутого барабана и потянулся за следующим.

Только так, только по очереди. Стенки гильз способны удержать лишь одиночную сущность, если боеприпасы соприкоснутся, самопроизвольной детонации не избежать. Запросто можно остаться и без пальцев, и без головы – это уж как повезет.

Именно поэтому все оружие, кроме двуствольных штуцеров под совсем уж «злой» боеприпас, оснащалось барабанами. И чем мощнее был патрон, тем массивнее требовался барабан, а все попытки создать карманный револьвер под патрон с пулей успехом так и не увенчались. Из-за недостаточной толщины перегородок между камерами сущности дотягивались друг до друга, преодолевали алхимические защитные формулы и вырывались на волю, обычно с фатальными для испытателя нового образчика стрелкового вооружения последствиями. Ослабленные же, они оказывались просто не в состоянии прогнать кусочек серебра по нарезам ствола.

Полностью зарядив револьвер, я убедился, что все шесть камер окружило серебристое сияние пентаграмм, и сунул оружие в кобуру. Прицепил ее на пояс, убрал снаряженный патронами увесистый спидлоадер – по сути, тот же самый барабан – в кожаный чехол и пристроил его рядом.

– Как погода? – спросил я после этого у подруги и по привычке выдвинул из чехла зеркальный клинок служебного ножа – шесть дюймов остро заточенной стали, способной рассечь даже выбравшуюся из Вечности сущность.

– Погода собачья, – зевнула в ответ Анна. – Надень плащ.

Убедившись, что на алхимическом покрытии клинка ни пятнышка, я вернул оружие в ножны и спрятал под пиджак. Вышел в прихожую, снял с вешалки плащ, достал с верхней полки шляпу.

– Приятных снов, – произнес, заглянув обратно.

– Чао, любимый, – донеслось в ответ.

На улице и в самом деле оказалось премерзко. С неба сыпал мелкий противный дождик, холодный ветерок теребил ветви деревьев, на тротуаре темнели пятна луж.

Как я и предполагал, ни одного такси поблизости не оказалось, пришлось поднять воротник плаща и отправиться к ближайшей станции подземки пешком. Пройдя через вращающиеся двери в безлюдный вестибюль, я отряхнул шляпу и начал спускаться в полутемное, едва освещаемое тусклыми фонарями нутро подземной железной дороги. Примерно на середине лестницы дала о себе знать близость Вечности, и у меня заложило уши. Стало трудно дышать, в голове зазвучал неразборчивый шепот.

На миг остановившись, я прикоснулся к вискам, сосредоточился и уже совершенно спокойно отправился дальше. Призрачное присутствие чуждой людям стихии никуда не делось, но теперь оно растворилось в дуновениях встречного сквозняка. Стало чем-то само собой разумеющимся, не стоящим внимания.

Дело привычки на самом деле.

На платформе не оказалось ни души. Оно и понятно – на часах полночь.

При одном взгляде на провал туннеля меня пробрало до самых костей, но я не стал потворствовать беспочвенным страхам, подошел почти вплотную и встал на краю перрона. С показным безразличием сунул руки в карманы плаща и уставился на бесцветное тускло-серое безвременье, запертое алхимическими формулами внутри каменного свода стен.

Вечность. Это всего лишь Вечность.

Никто доподлинно не знал, что именно представляла собой окружавшая города материя, а те, кто заявлял, будто им удалось разгадать главную загадку мироздания, либо уже числились пациентами лечебницы Святой Марии, либо имели очень неплохие шансы перебраться в это заведение для душевнобольных в самом скором времени.

Я мог поручиться лишь за то, что Вечность не слишком уютная штука. Большинство случайно угодивших туда людей становились легкой добычей сущностей, а когда завладевшие их телами твари прорывались обратно в город, дело заканчивалось большой кровью.

Или не заканчивалось, если поблизости оказывался я или кто-то из моих коллег.

По заполнившему туннель мареву вдруг пробежала легкая дрожь, терявшиеся в нем серебряные рельсы мелко-мелко завибрировали, а миг спустя, разорвав небытие, на станцию вылетел состав.

Глухие, без единого окна вагоны разительно отличались от красочных поездов междугороднего сообщения; их облезлые борта пестрели многочисленными царапинами, сколами и вмятинами. Оно и понятно: у муниципалитета постоянно не хватало денег на ремонт подвижного состава, а чем интенсивней эксплуатировалась железнодорожная ветка, тем больше собиралось вокруг сущностей и тем агрессивней они себя вели. Некоторые эксцентричные философы даже полагали, будто порождения Вечности на самом деле представляют собой нематериальные прообразы вещей, явлений и даже эмоций, суть – эйдосы, а поскольку подобное тянется к подобному, то к людям и льнули воплощения агрессии, страха, злости и лживости.

Почему не любви и милосердия? Ха, не смешите меня! В переполненной-то подземке?

Это город Осень, так-то...

Погнутые двери с металлическим лязгом распахнулись, я шагнул в пустой вагон, но садиться на протянувшиеся вдоль стен сиденья не стал. Вместо этого развернулся лицом к выходу и крепче ухватился за поручень. Новый лязг, толчок – и состав, постепенно набирая скорость, тронулся с места.

Приближение Вечности ощущалось подобно сквозняку из открытого подвала, а потом – раз! – и окружающий мир растворился в заполнившем пространство ничто и никогда. Исчезли расстояния, пропало время, реальной осталась лишь дрожь колес, размеренно подрагивавших на стыках рельс.

Будто оказался в заполненном воздухом аквариуме, а кругом лишь мириады и мириады километров воды. И ты – один...

Большинство пассажиров просто не могли осознать этого, по их субъективным ощущениям путешествие длилось не дольше двух-трех ударов сердца, но отдельные индивидуумы оказывались слишком восприимчивыми к безвременью, и для них минутная поездка тянулась целую вечность.

Целая вечность, проведенная в замкнутом помещении вагона, – такое кого угодно с ума сведет, поэтому лечебница Святой Марии не пустовала никогда. Впрочем, убойная доза морфина позволяла при необходимости перебираться из города в город даже подобным уникамам. В спальном вагоне и под присмотром железнодорожного медика, само собой.

В этот момент поезд вылетел на станцию, меня качнуло и сразу стало легче мыслить. Вечность ослабила хватку и перестала давить своей нереальностью, но передышка долго не продлилась. Лязг дверей, толчок тронувшегося вагона – и вновь заполонила душу непонятная

маета, принялась рвать сознание тоска, резануло по нервам ощущение собственной беспомощности.

Да, я чувствовал Вечность острее других людей и до конца так для себя и не определился, дар это или проклятие.

Детство мое прошло на крошечном полустанке, где вечно царили сумерки, и тогда у меня было два самых заветных желания: увидеть настоящий рассвет и стать проводником.

Именно поэтому я наперечет знал все проходящие через станцию поезда: синий экспресс, желто-зеленый скорый, желто-красный пассажирский и даже отличавшиеся лишь цифрами на бортах вагонов товарняки. Пока сверстники до дыр зачитывали комиксы, я тратил карманные деньги на журналы о поездах и собирал их масштабные модели. У меня была цель в жизни: я точно знал, кем стану.

Но не срослось. Когда после окончания школы отправился в свою первую поездку через безвременье, то оказался до глубины души поражен, сколь неприятным вышло путешествие. Неприятным, жутким, изматывающим.

Мне и подобным мне, чье внутреннее время слишком сильно проявляло себя, делать в поездах было нечего.

А рассветы... Рассветы в каменных джунглях вечной осени мало чем отличались от тех самых сумерек, из которых я сбежал. Особенно если ложишься за полночь, а по утрам с трудом продираешь глаза, когда начинает мерзко трезвонить заведенный на шесть часов будильник.

Впрочем, я ни о чем не жалел. Что для проводника – признак профнепригодности, для рядового патрульного – возможность претендовать на зачисление в специальный дивизион полиции. Карьерный рост, неплохой оклад, приличный социальный пакет...

Раздавшийся над головой скрежет сбил с мысли и заставил напряженно уставиться на потолок. На всякий случай я даже расстегнул плащ и нашарил рукоять ножа.

Возникло ощущение, будто некая тварь запрыгнула на крышу и запустила в толстый металл призрачные когти, но тут поезд вырвался на станцию, и я поспешно шагнул в распахнувшуюся дверь. Вытащил из кармана серебряный портсигар и коробку спичек, прямо на перроне закурил и почувствовал, как начал отступать холод запертой в туннеле Вечности.

Вот поэтому и не люблю пользоваться подземкой. Такое чувство, словно селедкой в консервную банку закрутили.

Сделав пару глубоких затяжек, я выкинул окурок в урну и поспешил к выходу в город. В полном одиночестве поднялся в вестибюль, а стоило только пройти вращающиеся двери, как вокруг расплескались ядовито-неоновые огни вывесок ресторанов, казино и кинотеатров. По улицам сновали автомобили с черно-желтыми шашечками такси; играла музыка; припозднившиеся гуляки переходили из одного заведения в другое.

Припозднившиеся? Да нет, для них все только начиналось...

Осень – город контрастов, да.

Перебежав через проезжую часть, я распахнул весело звякнувшую колокольчиком дверь парикмахерской и стряхнул шляпу.

– Одну минуту, комиссар, – лишь на миг оторвался при моем появлении от клиента старый мастер. – Присаживайтесь, сейчас освобожусь.

Комиссар!

Я был знаком с владельцем парикмахерской, его детьми и всеми работниками не один год, но полицейский – это всегда полицейский, и только. В прозванном Десяткой районе между городским парком и центральным вокзалом всем заправляли *люди традиций*, и общение местных обитателей с легавыми ими категорически не приветствовалось.

Люди традиций – так, если кто не понял, себя именовали здешние гангстеры. Но не стоило думать, будто в Десятке царило беззаконие, вовсе нет. На залитых светом неоновых вывесок улицах можно было совершенно безбоязненно разгуливать и днем и ночью. Банды

давно поделили между собой окрестные кварталы, и залетные гастролеры обычно отправлялись отсюда либо в больницу Святой Екатерины, либо напрямиком в муниципальный крематорий.

Повесив плащ и шляпу на вешалку, я уселся в кресло рядом с тихонько бубнившим джазовую мелодию радиоприемником и взял лежавший на журнальном столике утренний выпуск «Осеннего вестника».

Передовица ожидаемо оказалась посвящена грядущим выборам мэра. Ничего из ряда вон: действующий глава города назвал претендента «популистом, несущим левацкий бред», тот, в свою очередь, в долгу не остался и охарактеризовал соперника как «ретрограда, не видящего дальше собственного носа». То ли еще будет.

А вот на второй странице редакция поместила статью Анны о грядущем открытии дома-музея Дэвида Волина, на котором сегодня моя ненаглядная и пропадала. Как оказалось, четверть века назад этот известный предприниматель и меценат распродал все свои активы и вложился в совершенно безумный проект по строительству железной дороги, призванной соединить город Ангелов и Каньон напрямую, в обход Осени. Из-за чрезмерной протяженности железнодорожной ветки все алхимики как один предрекали неминуемый крах проекта, но случилось чудо – прямо посреди Вечности проходчики наткнулись на никем не исследованную до того территорию. И акции Волина взлетели до небес!

Новый город, так и названный – Нова, перспективное железнодорожное направление, значительные инвестиции. История успеха, да и только. Конец, правда, оказался не столь позитивным. Прогрессирующий склероз, медленное угасание и, как итог, смерть в частной клинике полгода назад.

Статью проиллюстрировали парой фотографий: с одной смотрел сурового вида старик, на соседней красовался пижонистого вида франт с тоненькой полоской усиков над верхней губой. Наследник империи, ага.

Ладно, глянем криминальную хронику, пока время есть...

Но в этот момент парикмахер убрал с лица клиента теплое полотенце, тот расплатился и отправился восвояси, а из подсобки, шаркая ногами, вышел уборщик. Медленно и аккуратно двигая шваброй, он начал сметать в одну кучу обрезки волос, нисколько не интересуясь тем, что происходит вокруг.

Тронутый. Человек, навсегда застрявший между жизнью и смертью.

Иногда проникшие в город или вырвавшиеся на волю при выстреле из револьвера сущности не убивали жертву, а вступали с ее организмом в некий противоестественный симбиоз, превращая человека в *тронутого*. В большинстве случаев такие люди становились апатичными и не слишком сообразительными, но поскольку не имели проблем со здоровьем и алко-голем, их охотно брали грузчиками и подсобными рабочими.

Впрочем, случались и исключения...

Когда пол был подметен, мастер указал на кресло:

– Присаживайтесь, комиссар.

Сам он отошел к радиоприемнику и принялся крутить ручку настройки до тех пор, пока не поймал трансляцию боксерского поединка. Микки Дилон оспаривал титул у Эдди Кука. Точнее – пытался оспорить. Получалось это у него, судя по страдальческим стонам и экспрессивным выкрикам комментатора, из рук вон плохо.

– Опять сами в ночь? – уточнил я, когда парикмахер укрыл меня накидкой.

К этому времени мы остались в одиночестве, и старый мастер позволил себе немного расслабиться.

– Дети! – вздохнул он. – Виктор, ты же понимаешь...

Я усмехнулся:

– Понимаю.

– Тебя только побрить?

- Да.
- Виски подровнять?
- Нет, не стоит.

Прислушиваясь к трансляции, мастер стал помазком намазывать мою щетину и вдруг спросил:

- Помнишь Микки Дилона?

Вкус крови во рту, рассеченная бровь, сбившееся дыхание, острая боль в правом запястье и голоса болельщиков, сливающиеся в сплошной гомон толпы.

Да, я помнил Дилона.

– Двадцать седьмой, так? – ловко работая опасной бритвой, продолжил старик. – Знаешь, я был на том бое, когда ты выбил из него дух. – Мастер промокнул мне подбородок салфеткой и уверенно заявил: – Не брось ты бокс, Виктор, вполне мог бы сейчас биться за чемпионский пояс вместо него.

Избавившись от накидки, я поднялся из кресла, достал бумажник и усмехнулся:

– Меня вполне устраивает, что Эдди Кук сейчас превращает в отбивную Дилона, а не меня.

С этим утверждением парикмахер спорить не стал.

- Эдди силен, – кивнул он.
- Возьму газету? – спросил я, надевая плащ.
- Разумеется, Виктор, разумеется...

Я махнул ему на прощанье и вышел на крыльцо. Окинул внимательным взглядом улицу и сразу заметил курившего у перекрестка Сола Когана. Тот не дотягивал даже до моих скромных пяти футов и восьми дюймов, но недооценивать его ни в коей мере не стоило. На коротких дистанциях Сол двигался стремительней молнии, к тому же держал удар не хуже кирпичной стены. Об этом я знал не понаслышке: в свое время мы ходили в один боксерский клуб и славно повыбивали друг из друга пыль.

Ну и самое главное – человека, сумевшего без связей и родства стать управляющим преуспевающего казино, не стоило равнять с недалекими гангстерами, чьих умственных способностей едва хватает на вытрясание долгов и запугивание уличных торговцев.

Я и не равнял.

Неподалеку от Сола на тротуаре замер черный родстер с поднятым верхом. Сидевшего за рулем человека разглядеть не получилось.

Помахав над головой свернутой газетой, я перешел в соседствовавшую с парикмахерской кофейню «Шалтай» и только повесил плащ на вешалку, как вновь звякнул колокольчик входной двери.

- Привет, Сол, – протянул я руку непривычно мрачному гангстеру. – Кофе?
- Уже поужинал.
- Какой ужин? Завтракать пора, – улыбнулся я и попросил официантку: – Двойной капучино и гренки, пожалуйста.

Сол Коган с хмурым видом уселся напротив, и его застегнутый на обе пуговицы пиджак явственно оттопырился под левой подмышкой.

«От трех до шести месяцев исправительных работ», – машинально промелькнуло у меня в голове, но, разумеется, тащить старого знакомого в участок я не собирался. Да и зачем? С хорошим адвокатом он окажется на свободе уже к обеду. А адвокат у него был хороший.

- Осталось не так много времени, – глянув на часы, заметил Сол.

Я дождался, когда официантка выставит на стол фарфоровую чашку и тарелку с гренками, отпил кофе и только тогда попросил:

- Вот с этого момента подробней, пожалуйста.
- Слушай, Виктор, когда тебе требуется одолжение...

– Ты всегда знаешь, чем это для тебя обернется, я никогда не использую тебя втемную, – возразил я, разрезая гренок. – Излагай.

– Дьявол! – обреченно выдохнул Сол, и его смуглое лицо на миг напомнило сморщенный чернослив. – На мое заведение положили глаз люди Саливана.

– И почему бы тебе не обратиться за помощью к своим боссам?

– Видишь ли...

– Ах да! – Я развернул вовсе не случайно прихваченную с собой газету и прочитал вслух: – «По информации, полученной из достоверного источника, госпитализированный некоторое время назад с инсультом Адам Марон был переведен сегодня ночью в отделение интенсивной терапии больницы Святой Катерины...»

– Адам долго не протянет, – подтвердил Коган. – Старик под семьдесят, точно не выкарабкается. – Гангстер нервно поежился и ослабил узел узкого галстука. – Все готовятся к грызне за власть, сейчас никто не рискнет начать войну с Белым Кулаком даже из-за казино. Когда все устаканится, заведение наверняка вернут, но меня к нему уже и близко не подпустят.

– А что Лео? – как бы между прочим уточнил я, хотя и без того прекрасно знал, что двадцатилетний внук главара пользуется уважением подельников лишь до тех пор, пока жив дед.

– Лео – щегол, к делам его никогда и близко не подпускали. Думали, успеет в своих университетах ума-разума набраться, но где там! – подтвердил Сол мою информацию. – Вот будь жив его отец, никто бы и пикнуть не посмел, при Борисе все по струнке ходили.

Так и было, да только пристрастие к алкоголю, кокаину и гоночным машинам никого еще до добра не доводило. Единственный сын Адама Марона погиб в автокатастрофе пару месяцев назад, и, как поговаривали, именно это и привело старика на больничную койку.

– Лео ничего собой не представляет, – продолжил бухтеть Сол Коган. – Пустое место. Но нет – надувает щеки, обещает поставить всех на место. Щенок. Койл и Филин его в расчет не берут, уже почти в открытую между собой грызутся. Как старик умрет, сразу сцепятся.

– Понятно. Так, говоришь, всерьез на тебя наехали? Точно не блефуют?

– Парни Саливана уже отжали пару наших ломбардов, прачечную, закусочную и автомобильную мастерскую. Теперь нацелились на казино. Как думаешь, Виктор, все серьезно или зря паникую?

Я медленно прожевал последний кусочек гренка и только тогда спросил:

– От меня ты чего хочешь? Патрульных к дверям казино поставить?

– Нет, патрульных не надо, – поморщился Сол. – У нас сегодня встреча, будет по три человека с каждой стороны. Надо, чтобы ты со мной пошел.

– А больше ничего не надо? – хмыкнул я. – Чего сразу Саливана застрелить не попросишь?

Оказаться посреди гангстерской разборки – уже плохо; оказаться посреди гангстерской разборки в качестве участника одной – и вовсе хуже не придумаешь.

– Да перестань ты! – подался ко мне Коган. – Мы просто перетрем, никаких разборок, никаких перестрелок.

– Ну, если ты так говоришь... – холодно улыбнулся я.

– Послушай, Виктор, безопасность сторон гарантируют Лиманы. У нас есть с ними договоренность на этот счет. Никто ни в кого стрелять не будет, понял?

– Тогда я тебе зачем?

И в самом деле – зачем? Семейство Лиманов играло в преступном сообществе города далеко не последнюю скрипку, и, принимая в расчет их просто болезненную щепетильность в деловых вопросах и взрывной темперамент, опасаться за безопасность переговоров не приходилось.

– Да я нюхом какой-то подвох чую! – прошипел Сол. – Нюхом! Душа у меня не на месте, понимаешь? Ты умный, слышал об интуиции? Так вот это она и есть! – Гангстер перевел дух и продолжил: – Просто постой рядом, тебе даже говорить ничего не придется! Я ведь никогда не отказывал...

– Насчет Лиманов информация точная?

– Ты меня знаешь! – возмутился Коган.

Я знал Сола. Но знать человека и доверять ему – это вовсе не одно и то же. Особенно если этот человек гангстер.

Мог Коган намеренно пытаться втравить меня в свои неприятности? Сомневаюсь. Но, с другой стороны, люди в отчаянии и не такие глупости подчас совершают.

– Сейчас вернусь, – предупредил я, поднимаясь из-за стола.

– Ты куда? – насторожился Сол.

– А сам как думаешь?

Я отошел к стоявшей в углу обеденного зала телефонной кабинке, плотно прикрыл за собой дверцу и, кинув в прорезь аппарата четвертак, принялся крутить дребезжащий диск. Набирал номер бара «Фонарь» и какое-то время слушал звучащие в трубке длинные гудки.

– Да? – вскоре отозвался владелец этого заведения Эрик Рой, основной доход которому приносила вовсе не продажа алкоголя, а комиссионные от подпольных карточных игр.

Просто удивительно, сколь много людей не имели возможности или не желали спускать свои деньги в легальных казино. У кого-то были проблемы с комиссией по азартным играм и полицией, кто-то опасался попасться на глаза вездесущим репортерам, а некоторые просто на дух не переносили толп заполнявших игорные заведения бездельников. Нужный мне человек был как раз из числа таких вот оригиналов.

– Это Виктор Грай, – представился я и спросил: – Поль Лиман у тебя?

– Позвать?

– Будь добр.

Когда после недолгого разговора я вернулся к столу, Сол Коган нервно глянул на часы и спросил:

– Ну и? Ты едешь?

Поль Лиман договоренность о встрече подтвердил, а потому не было никаких причин отказать в небольшой услуге своему старому знакомому.

Небольшой? Ну-ну.

– Да, – подтвердил я и полез за бумажником.

– Все уже, расплатился! – остановил меня Сол, надел шляпу и отошел к входной двери. – Идем быстрее!

– Ты ведь понимаешь, что будешь должен? – уточнил я уже на улице.

– Сколько раз я тебе помогал, а?

– Будешь должен!

– Черт с тобой! – выругался Сол и распахнул дверцу родстера с противоположной от водителя стороны. – Залезай!

Я забрался на откидное сиденье; заточенная в автомобильный двигатель сущность немедленно уловила мое присутствие, и движок засбоил. Сидевший за рулем крепко выругался и поспешно утопил педаль газа, до предела увеличив впрыск алхимического реагента в форсированный движок. Родстер рывком сорвался с места и, быстро набирая скорость, помчался по дороге.

– Где будет встреча? – спросил я Сола.

– За оперным театром.

– Хорошо.

Театр уже второй год был закрыт на реконструкцию, что гарантировало, если так можно выразиться, полную конфиденциальность переговоров. Хорошее место; мне вовсе не улыбалось прочитать в утренних газетах об участии специального комиссара полиции в гангстерских разборках.

Пока ехали, дождь беспрестанно колотил по съемной крыше и дворники размеренно двигались из стороны в сторону, смахивая брызги с ветрового стекла. Но когда родстер въехал на мощенную брусчаткой площадь перед театром, немного распогодилось, и с неба уже сыпалась лишь мелкая морось.

Перед тем как припарковаться, водитель выкрутил руль, заранее разворачивая машину, и лучи фар осветили замерший неподалеку вытянутый автомобильный кузов с хищным оскалом хромированной решетки радиатора.

Сол Коган сверился с часами и поморщился:

– Заранее прикатили. – Он распахнул дверцу, выбрался из салона и злорадно пробурчал: – Ничего, пусть помокнут.

Я присоединился к нему, поправил шляпу и возразил:

– Дождь кончился.

– Неважно.

Водитель тоже оставаться в автомобиле не стал; захлопнув дверцу, он обошел родстер, открыл багажник и вытащил из него короткий штуцер. С невозмутимым видом гангстер спрятал оружие под плащом и уставился на босса, ожидая дальнейших распоряжений.

– Уверен, что это необходимо? – уточнил я у Когана.

– Не доверяю я этим засранцам, – ответил Сол и, прикрыв ладонями спичку, раскурил папиросу. – Ладно, идем.

И мы пошли. Только обогнули здание театра – и сразу заметили мерцавшие в темноте огоньки сигарет.

Трое гангстеров, три светящиеся в ночном мраке точки.

Если только подельники где-нибудь поблизости условного сигнала не ждут.

Хотя нет – вряд ли. С Лиманами шутки плохи, шуток они не понимают категорически.

– Сол, дружище! Рад тебя видеть! – шагнул навстречу Когану один из людей Саливана, рыжий и усатый. – Отлично выглядишь!

– Не могу сказать того же о тебе, – хмыкнул Сол, кинул окурок под ноги и затер его подошвой лакированной туфли.

– У всех свои недостатки, – развел руками гангстер. – У тебя вот с пунктуальностью проблемы.

– У меня не с пунктуальностью проблемы, у меня со всякими уродами проблемы.

– Сол, ты просто разбиваешь мне сердце! Я ведь хочу помочь! Ты откусил кусок больше, чем можешь проглотить, и если не похлопать тебя по спинке, просто-напросто подавишься. И возможно даже – умрешь.

– Это угроза? – нахмурился Коган.

– Это чистая правда, – расплылся в улыбке наглый тип, пижонский черный костюм которого пестрел частой белой полоской.

Похоже, невелика сошка, вот Сол и бесится, что на встречу с ним шестерку прислали.

– Переходи к делу, – потребовал Коган.

– Никаких дел, никаких условий, – рассмеялся подручный Саливана, и у меня возникло впечатление, что он попросту тянет время.

По спине скользнул неприятный холодок, в окружающей действительности почудилась некая неправильность, и немедленно темень ночи прорезал пронзительный луч переносного прожектора.

– Полиция! – проорал в громкоговоритель срывающийся от напряжения голос. – Никому не двигаться! Бросьте оружие и поднимите руки над головой! Немедленно!

Собеседник Когана без колебаний распахнул полы пиджака, демонстрируя отсутствие оружия; пара так и не вымолвивших ни слова гангстеров последовали его примеру.

Даже так?

Громила рядом со мной недовольно засопел; я шикнул на него:

– Не дергайся, – и обернулся к бывшему в глаза прожектору со служебным значком в руке. – Специальный комиссар Грай!

Переговорщика это озадачило. Он замялся, словно советуясь с кем-то, а потом вновь прокричал в громкоговоритель:

– Отойдите в сторону! Это наша операция!

Я только хмыкнул. Действительность перестала быть странной и неправильной – словно сложившаяся мозаика, реальность в моей голове вновь приобрела цельный и абсолютно законченный вид.

– Инспектор Крамер, – лишь слегка повысив голос, произнес я, – вы ему объясните или мне придется?

На мгновенье тишина осенней ночи стала совсем уж беззвучной, а потом кто-то скомандовал:

– Отбой.

И сразу затопали ботинки, где-то вдалеке лязгнула автомобильная дверца и рыкнул просыпающийся двигатель машины, а в свет прожектора выступила невысокая фигура коренастого человека в дешевом костюме из магазина готового платья и сдвинутой на затылок фетровой, с обтрепавшимися полями шляпе.

– Здравствуй, Петр, – двинулся я ему навстречу.

– Доброй ночи, Виктор, – ответил инспектор на рукопожатие.

На его налитом кровью лице при этом не промелькнуло ни тени эмоции, а вот спешившего следом парня в новенькой форме просто распирало от возмущения.

– Но как же так?! – воскликнул он. – Это ведь преступники! Разве можно их отпускать? Это же наша операция!

– Думаю, специальный комиссар Грай резонно возразит тебе, что это куда более его операция, нежели наша. – Инспектор скривил уголки рта в некоем подобии улыбки, но его тусклые, с красными прожилками глаза взирали на происходящее все так же безучастно, как и раньше.

Меня этот простодушно-безразличный взгляд нисколько не обманул; Петр Крамер видел людей насквозь.

– Как вы здесь оказались? – спросил я.

– Анонимный звонок, – поджал губы раздосадованный парнишка.

– Вот как? Очень интересно.

– Не будем тебя больше задерживать, Виктор, – произнес инспектор и, сунув в рот сигару, с силой прикусил ее кончик.

Закуривать не стал, он вообще никогда не курил. Ну – почти никогда.

– Торопитесь? – уточнил я.

– Тебя подождать? – удивился Крамер.

– Было бы неплохо.

– Тогда будем на площади перед театром.

Полицейские отправились восвояси; я обернулся к безмолвно следившим за ходом переговоров гангстерам и указал водителю Когана на оттопыренную полу плаща.

– Сол, ты притащил с собой легавого?! – только тут надумал возмутиться человек Саливана. – Совсем сбрендил?!

– Заткнись, – потребовал я.

– Что?! – опешил гангстер, но тут клацнули взведенные курки штуцера, и он как-то враз растерял весь свой апломб. – Сол, ты ведь не наделаешь глупостей? Лиманы этого так не оставят!

– Не хочу никого разочаровывать, но гарантия Лиманов на полицейскую облаву точно не распространялась, – ухмыльнулся я. – Вряд ли у них возникнут претензии по этому поводу.

– Сол, не дури! Это неправильно!

– А давать наводку легавым – правильно?! – оскалился Коган. – Вы пришли на встречу чистенькими, без стволов, а меня за решетку засадить собирався? Ах ты, тварь такая! Эд, отстрели этому...

– Хватит! – потребовал я. – Нас здесь куча полицейских видела.

– Вот, вот! – моментально успокоился рыжий. – Мы же цивилизованные люди, никто и подумать не мог, что вы притащите на встречу оружие! А кто настучал легавым – так это еще разобраться надо! Мы просто пришли поговорить...

– Вариантов на самом деле два. – У меня не было ни малейшего желания тянуть резину. – Как ты выразился, «просто поговорить» останусь с вами либо я, либо Сол. Что предпочтешь?

– В смысле? – удивился Коган, хотя обращался я, собственно, не к нему.

– Думаешь, они собирались засадить тебя в кутузку? – хмыкнул я. – Да адвокат вытащил бы тебя под залог уже к обеду!

Сол на миг задумался, а потом, стискивая кулаки, подался вперед:

– Собираетесь захватить казино?!

– Все уже решено, – нагло ухмыльнулся в ответ рыжий. – Расслабься! Тебе ничего не изменить! Не суетись, только пыли наглотаешься! Поздно метаться!

– Очень в этом сомневаюсь, – покачал я головой, взглянув на хронометр. – Глупо вламываться в казино, когда там полно посетителей. Игроки начнут расходиться через час-полтора, поэтому времени у нас предостаточно. Так что выбирай, кто встретит ваших ребят: полиция или люди Марона.

– Да пошел ты, легавый!

– Виктор, ты покарауль здесь, а я пока организую теплую встречу этим ублюдкам! – засуетился Коган. – За мной не заржавеет!

– Стой! – встрепенулся подручный Саливана. – Я могу все отменить!

– Не свисти! – рассмеялся Сол. – Предупредить своих хочешь? Не выйдет!

– Не выйдет, – подтвердил я. – Ну так что?

На усатого было жалко смотреть. Гангстер прекрасно понимал, что любое решение выйдет для него боком, а потому никак не мог определиться с выбором меньшего из двух зол.

Подставить подельников под пули конкурентов или сдать их легавым? Будь на месте рыжего серьезный человек, он бы попытался задавить нас авторитетом или просто заболтать до полусмерти, но серьезные люди собирались сегодня сорвать банк, а не точить лясы с тем, кого они заранее списали со счетов.

– Решай!

Усатый скривился, будто откусил лимон, и выдавил из себя:

– Пусть остается Сол.

– Поздно! – осклабился Коган. – Все, я пошел!

– Нет, не поздно, – заявил я. Спровоцировать войну банд? Да еще перед выборами мэра? Вот уж даром не надо!

– Это мое дело! – возразил Коган.

– Стоило подумать об этом прежде, чем звать меня. Нет?

– Но...

– Хватит! – отрезал я и повернулся к усатому. – Говори, кто и когда должен вломиться в казино. Только учти – если их перехватят заранее, предъявят разве что обвинение в хранении оружия. Иначе сядут надолго. И это в лучшем случае – штурмовой дивизион обычно сначала стреляет, а уже потом просит бросить оружие и выходить с поднятыми руками.

– Подъедут перед самым закрытием. Фургон прачечной «Росинка».

– Ну, вы тут пообщайтесь пока, а мне пора. Увидимся, Сол.

И, прикоснувшись пальцами к полам шляпы, я отправился на парковку. Там остановился перед шикарным автомобилем подручных Саливана, достал нож и с силой засадил его в крышку. Раздался едва слышный хлопок, зашумел выходящий из проткнутой камеры воздух, и машина слегка завалилась набок. Немного поколебавшись, я все же перешел к родстеру Когана и повторил эту нехитрую процедуру и с ним.

Не то чтобы я совсем уж не доверял Солу, просто в таких делах лучше немного перестраховаться. Загорится ему поднять авторитет, собственными силами решив проблему, и что – трупы с улиц потом убирать? Вот уж не надо такого счастья...

Когда я забрался на заднее сиденье патрульной машины, на меня никто и не взглянул. Ни инспектор Крамер, ни парнишка за рулем, ни даже потеснившийся сержант Фольг.

Долговязый сержант отрешенно откинулся на спинку сиденья; его макушка почти упиралась в потолок, а снятая с головы фуражка лежала на коленях поверх штуцера, направленного стволами в противоположную дверь. Обычно при взгляде на него люди сначала ловили себя на мысли: «С этим парнем что-то не так» – и только потом обращали внимание на неприятно-серый оттенок кожи и неестественную для живого человека неподвижность.

И действительно – Фольг не был «живым» в полном понимании этого слова; он был тронутым. Поразившая сержанта в давней перестрелке *сущность* не убила его, а лишь слегка изменила; вероятность такого исхода не превышала одного шанса на тысячу, но Фольг оказался счастливым. Правда, везение его скорее заключалось не в том, что он избежал поездки в крематорий, а в том, что сохранил прежнюю работу. И вот уже за это ему следовало благодарить не слепую усмешку судьбы, а инспектора Крамера.

Он и благодарил. Цепной пес, ага...

– На казино «Колесо Фортуны», – произнес я, расстегивая плащ, – сразу перед закрытием будет совершен налет. Вам нужен фургон прачечной «Росинка».

– Нам? – с неприкрытым сарказмом поинтересовался Петр Крамер и поправил шляпу, на миг открыв моему взгляду рану, оставленную давным-давно угодившей в его затылок сущностью. Сержант Фольг был не единственным тронутым в этом автомобиле.

Прикрыв рот ладонью, я зевнул и уточнил:

– А вы против?

Инспектор на миг задумался, потом покачал головой:

– Нет, не против. – И поинтересовался: – Кого ждать?

– Боевиков Саливана.

– Поехали, – скомандовал Петр, и сидевший за рулем парень легко пробудил дремавшую в двигателе сущность. Патрульный автомобиль плавно тронулся с места и, разбрызгивая грязную воду из луж, покотился по ночным улицам.

Я на всякий случай схватился за ручку над головой, но водитель уверенно вписывал машину в повороты и ни разу не дал повода для беспокойства.

– Виктор, как думаешь – дело серьезное? Стоит привлекать штурмовой дивизион? – спросил Крамер некоторое время спустя.

– Я бы привлек.

– Понятно. – Петр надолго замолчал, а когда темные громады офисных зданий остались позади и вокруг замелькали неоновые витрины развлекательных заведений, уточнил: – Тебя где высадить?

– У казино.

– Хорошо. – Он с силой прикусил зубами кончик сигары и за всю поездку не произнес больше ни слова.

Я тоже. Все так же молча выбрался из остановившегося перед казино автомобиля и отправился напрямиком в бар.

– Содовой и самую капельку виски, – попросил бармена, но тот, как обычно, переврал запрошенную пропорцию с точностью до наоборот.

Ладно, сойдет.

Встав со стаканом в руке у балюстрады, я оглядел с высоты второго этажа игровой зал, не заметил ничего подозрительного и занял столик у окна. На улице вновь начал моросить дождь, курившие перед центральным входом таксисты разбрелись по автомобилям, мимо медленно прокатил патрульная машина.

Все как обычно, все как всегда. Надеюсь, так оно и останется.

Сол Коган прикатил часа через полтора. Недобро глянув на меня, он уселся напротив и махнул рукой официанту:

– Виски! – а когда перед ним выставили тумблер с налитым на пару пальцев напитком соломенного цвета, нахмурился и скомандовал: – Бутылку, лед и что-нибудь горячего на стол. Живо!

– И содовой принесите! – добавил я.

– С тебя новая камера и ремонт крыши, – заявил Коган.

– Запиши на мой счет.

– Знаешь, Виктор, вот без этого вполне можно было обойтись! – поморщился Сол и распечатал бутылку выдержанного виски. – Взяли их уже?

– Без понятия, – пожал я плечами. – Теперь это не моя головная боль.

– Надеюсь, и не моя, – хмыкнул Коган, вновь наполняя стаканы. Предупредительный официант тут же подхватил сифон и долил мне содовой. – Свободен, – отпустил его Сол. – Свободен, свободен! – повторил он. – Дальше сами.

– Не волнуйся, – зевнул я, прикрыв рот ладонью. – Крамер все сделает в лучшем виде.

– Очень на это надеюсь.

– За тобой должок.

– Сочтемся.

Мы выпили, почти сразу принесли горячее, и на какое-то время стало не до разговоров. А когда только-только обсудили последние новости, бутылка подошла к концу, и я поднялся из-за стола.

– Увидимся, Сол.

– Может, продолжим в номере? – традиционно предложил гангстер. – Вызову девочек, а?

– Не стоит, – столь же традиционно отказался я.

– Тогда провожу.

Мы спустились на первый этаж, и тут у игровых столов послышался какой-то шум.

– Что за дела? – всполошился Сол.

Я перехватил его метнувшуюся под полу пиджака руку, стиснул мускулистое запястье и потребовал:

– Спокойней!

И точно – это был не налет, просто охрана выдворяла из игрового зала какого-то дебошира.

– Виктор! – завопил вдруг тот. – Виктор, скажи им!

– Знаешь его? – удивился Коган.

– Знаю, – подтвердил я и попросил охранников: – Будьте добры, отпустите.

– Уберите руки! – потребовал Карл Верст, поправил очки в тонкой золоченой оправе и заюлил: – Виктор, произошло какое-то нелепое недоразумение...

– Никакого недоразумения, – присоединился к нам начальник охраны. – Этот человек находится в черном списке комиссии по надзору за азартными играми. Ему запрещено здесь играть.

– Как и в любых других заведениях, – добавил Коган.

– Но это простые формальности!

– Из-за этих формальностей у нас могут отозвать лицензию.

– Да никто не обращает внимания на такую ерунду! – всплеснул руками Карл. – Послушай, Виктор, у меня были определенные проблемы с комиссией, но они остались в прошлом!

– Давай-ка поднимемся в бар, – предложил я, не желая вести разговор на всеобщем обозрении.

Мы вернулись на второй этаж, и Коган сразу потребовал три порции виски. Я тяжело вздохнул, но от выпивки отказываться не стал. Пара лишних глотков теперь уже точно не повредит.

– Виктор, – вновь начал нудить Верст, – ты же знаешь, я не могу без карт...

– Слушай, Карл, я еще мог понять, когда ты сломал нос крупье! Погорячился, с кем не бывает. Но в прошлый раз ты влетел на семь тысяч, и мне пришлось договариваться с казино о внесудебном соглашении. Тогда было чертовски непросто убедить их пойти на мировую! – Я глотнул неразбавленного виски и уставился на Карла. – Ты понимаешь, что реально мог загреметь на каторгу?

– Виктор, сейчас все не так! Я работаю в предвыборном штабе Ланфорда, деньги больше не проблема! Вот, смотри! – И Верст раскрыл бумажник, набитый крупными купюрами. – Деньги есть! Ты же знаешь – без карт я просто слечу с катушек! Я уже подал документы в комиссию по играм, но эти бюрократы все никак не исключат меня из черного списка!

– Я его в зал не пушу, – твердо заявил Сол Коган. – Виктор, хватит одного доноса...

– Да послушайте! – взмолился Карл. – По всем опросам выходит, что Ланфорд на выборах даст мэру под зад. Разве вам не нужен хороший друг в мэрии? В долгу ведь не останусь! Виктор, ну пожалуйста...

– За что ты отвечаешь в предвыборном штабе? – задумчиво уставился я на Верста.

– Работаю с профсоюзами, занимаюсь социальной политикой. Ты же знаешь, мы делаем ставку на пролетариат!

Коган подавился виски, похлопал меня по плечу:

– Удачи в этом нелегком деле! – и отправился восвояси.

– Ну, Виктор...

Карла начала бить крупная дрожь, и я спросил:

– На чем сидишь?

– Я?! – возмутился в ответ тот. – Ни на чем! Просто немного кокаина, чтобы расслабиться. Ты же понимаешь, эта предвыборная кампания...

– Ладно, есть вариант, – вздохнул я, вовсе не уверенный, что впоследствии не придется об этом пожалеть. – Но ты должен пообещать одну вещь...

– Что угодно! Только скажи!

– Мне не нужно «что угодно». Мне нужно, чтобы ты не играл в долг. Только на наличные, которыми располагаешь.

– У меня на счете лежит три тысячи. И открыт кредит. Я тебя не подведу!

– Если влипнешь, подведешь не меня. Подведешь себя. – И я протянул Карлу визитку бара «Фонарь». – Эти люди шутить не будут, с ними я тебе помочь уже ничем не смогу.

Верст зябко поежился, но визитку тем не менее взял.

– Гангстеры? – уточнил он.

– Типа того, – подтвердил я. – И раздробленные коленные чашечки будут твоими наименьшими проблемами, если влипнешь в долги.

– Никаких долгов.

– Ладно, спроси Эрика Роя – это хозяин. Скажешь ему, что от меня.

– И все?

– Да.

– Спасибо, Виктор! – затряс мне руку обрадованный Карл. – Спасибо огромное!

Спрятав визитку в бумажник, он опрометью выскочил из бара; я покачал головой и отправился следом. Спустился на первый этаж, вышел на улицу и остановился рядом с курившим на крыльце Коганом.

– Все же уходишь? – спросил он.

– Да, – подтвердил я. – Увидимся.

– Не пропадай...

Я пожал ему руку, поднял воротник плаща и зашагал по тротуару. Дождь стих, небо прояснилось, и не было никакого желания возвращаться домой.

Да и смысл? На часах – четверть седьмого; Анна спит и видит сны, зачем ее будить?

И я свернул в сторону городского парка. Прошелся по безлюдной аллее, выбрал скамейку на берегу тихого пруда и, закурив, начал наблюдать, как восходящее солнце подсвечивает алыми отблесками длинные перья полупрозрачных облаков и верхнюю, расплывавшуюся блеклой радугой грань Вечности. Ночь никак не желала сдавать свои позиции, небо по-прежнему темнело бездонной синевой, но с каждой минутой утро незаметными, едва уловимыми мазками светлых красок меняло ситуацию в свою пользу.

Все же рассвет – удивительно красивая штука, а уж после полбутылки виски он и вовсе волшебен...

Глава 2

Утро не задалось.

Когда человек приходит домой после бессонной ночи, обычно единственное, что его по-настоящему интересует, – это как бы поскорее очутиться в постели; я исключением не был. Ну в самом деле, почему бы не вздремнуть, если впереди свободный день?

Суббота!

Но нет же – обязательно разбудят...

– Виктор! – растолкала меня Анна. – Тебя к телефону.

– Кто там еще? – пробормотал я, с трудом отрывая голову от подушки.

– Этот, из «Фонаря». Эрик Рой.

Сон как рукой сняло.

Рой?!

Неужто Карл и у него начудить успел?! Вот и помогай после этого людям!

Я откинул одеяло и прошлепал босыми ногами на кухню. Там взял лежавшую на столе рядом с телефонным аппаратом трубку и произнес:

– Аллю!

– Виктор, ты кого ко мне отправил?

– А что такое? – обреченно выдохнул я в ответ.

– Этот чудик просадил за ночь семь сотен и ушел довольный, будто дорвавшийся до титьки младенца!

Я посмотрел на часы и поморщился:

– Эрик, ты звонишь в такую рань лишь за тем, чтобы сообщить о столь радостном для тебя событии?

– Уже восемь! – заявил Рой. – Нормальные люди давно встали!

– Не путай нормальных людей и людей обычных, – поморщился я и попросил: – Ладно, выкладывай, чего хочешь?

Эрик помялся, потом несколько неуверенно сказал:

– Виктор, мне не нужны проблемы, понимаешь? А любая заминка с возвратом проигрыша – это проблема почище занозы в заднице. Такие вещи очень плохо сказываются на бизнесе. Поэтому если скажешь, сколько твой приятель может позволить себе проиграть, мы заранее исключим вероятность привлечения специалистов по взысканию задолженности...

– Хорошо, узнаю. Это все?

– Да.

– Не звони больше в такую рань.

Я повесил трубку и, страдальчески морщась, помассировал виски.

– Что-то случилось? – забеспокоилась подруга.

– Ерунда, – отмахнулся я. – Поспать не дали.

– Кофе сделать? – предложила девушка.

– А ты не опаздываешь?

– Для тебя у меня всегда найдется время! – рассмеялась Анна. – Яичницу?

– Было бы здорово.

Я отправился в ванную комнату, забрался под душ и какое-то время просто обливался холодной водой, пытаюсь прийти в себя. После вытерся, обернулся махровым полотенцем и вернулся на кухню.

– Поспал бы еще, – предложила стоявшая у плиты Анна.

– Посплю, – кивнул я, любуясь девушкой.

А полюбоваться было чем. Даже в бесформенном домашнем халате она могла дать фору любой модели, а уж когда наряжалась в узкую юбку, блузку и облегающий жакет, от нее и вовсе глаз было не оторвать.

Высокая, светловолосая, с тонкими чертами лица и спортивной фигурой, Анна Соркин благодаря состоянию отца входила в список самых завидных невест города, но свадьбе с каким-нибудь богатеньким франтом и роскошному пентхаусу в центре предпочла работу обозревателя «Осеннего вестника», меня и скромную съемную квартиру в далеко не самом престижном районе города.

Мне было хорошо с ней. Думаю, ей со мной тоже.

– О чем задумался? – обернулась девушка, словно почувствовав пробежавший по спине взгляд.

– Так, – покачал я головой. – Ерунда, – и зевнул. – Да, кстати! Прочитал твою статью, просто какой-то провидец этот Волин!

– Или везунчик, каких свет не видывал, – рассмеялась Анна, выключила плиту и с отвращением просунула руку в длинную перчатку, прорезиненную ткань которой расчертили серебристые алхимические формулы. Девушка неуверенно взялась за ручку встроенного в стену *хранилища*, и я поспешил подняться из-за стола.

– Что достать? – оттеснил ее в сторону.

– Молоко, – попросила подруга. – Жуткая штука, до сих пор никак не привыкну.

– С перчаткой-то какие проблемы? – Я запустил руку в заполненное безвременьем нутро хранилища, нашарил бутылку молока и выставил ее на стол.

– Страшно, – созналась Анна и пожаловалась: – Тебе хорошо, а меня просто дрожь бьет, когда что-то доставать приходится.

– Привыкнешь.

Заполненные безвременьем хранилища были последним достижением алхимической мысли. И, надо сказать, достижением весьма удобным – помещенные туда продукты сохраняли все свои первоначальные свойства, не нагревались, не остывали, не портились. Свежая выпечка могла пролежать так год и при этом остаться мягкой и теплой, будто только достали из печи.

Удобно? Удобно. Но еще более дорого.

Не окажись у меня хороших знакомых в алхимической мастерской, где клепали эти чудо-агрегаты, подобную покупку я бы не потянул даже в кредит.

Анна добавила в кофе молоко, переложила яичницу из сковороды на тарелку и убежала одеваться.

– Как прошла ночь? – уже из комнаты крикнула она.

– Пообщался с Крамером, – ответил я, убирая запотевшую бутылку обратно в хранилище.

– Брр, – поежилась забежавшая за сумочкой Анна. – Жуткий тип.

– Скажешь тоже!

– Хорошего человека Могилкой не назовут.

– Это да, – усмехнулся я.

Прозвища к инспектору и в самом деле прилипли не самые благозвучные. За глаза его звали Могилкой и Мигренью; откуда это пошло – понятия не имею. Не то чтобы причин называть так Петра не было вовсе, скорее уж их имелось слишком много.

– Все, пора бежать! – Анна поцеловала меня в щеку и посмотрелась в зеркало. – В девять оперативка у главного редактора, еще накраситься успеть надо.

– Ты и так там самая красивая.

– Только там? – возмутилась подруга.

– И там, и вообще.

– Нет предела совершенству!

– Счастливо.

– Чао, любимый! – Девушка послала мне воздушный поцелуй, выпорхнула в прихожую, и почти сразу оттуда послышался стук захлопнувшейся двери.

Расслышав явственный щелчок замка, я спокойно отпил кофе, оставил кружку в сторону, но только взялся за нож и вилку, как начал надрываться телефонный аппарат.

– Да? – раздраженно рявкнул я в трубку.

– Виктор, ты дома? – послышался несколько нелогичный в этой ситуации вопрос.

– Слушаю тебя, Алекс, – сбавил я тон. И раз уж справился с искушением утопить рычажки телефона, то вынужден был поинтересоваться грядущими неприятностями: – Что опять стряслось?

Именно – стряслось, и никак иначе.

Алекс Бриг был моим хорошим другом, и, пребывая в здравом уме и трезвой памяти, он никогда бы не стал названивать в восемь утра, чтобы просто поболтать о пустяках. Всем моим друзьям и даже просто знакомым давно известно, чем чреват столь опрометчивый поступок. Мне ведь вовсе нетрудно нанести ответный визит вежливости часика так в два ночи... или в три...

Но Алекс Бриг ко всему прочему был еще и профессиональным медиатором, а человеку, который решает чужие проблемы, сводит между собой нужных людей и сглаживает конфликты, обычно совершенно безразлично, сколько на часах времени, если требуется избавить от неприятностей очередного клиента.

Так оно и оказалось.

– Ты мне нужен, – прямо заявил он.

– Да что ты говоришь? – хмыкнул я и вновь отпил кофе. – Может, скажешь для начала, что именно стряслось?

– Поговорим на месте. Такси тебе я уже вызвал.

В трубке раздались короткие гудки, я опустил ее на рычажки и задумчиво пробормотал:

– Ну ты, Алекс, молодец...

Пробормотал и отправился одеваться. Беспокоить меня по пустякам Бриг обыкновения не имел, да и долетавший из динамика вой сирен на заднем плане вряд ли был случаен.

У кого-то из клиентов Алекса проблемы с полицией, и он рассчитывает, что я смогу помочь? Не знаю, не знаю. Но ехать придется в любом случае.

В конце концов, зачем еще нужны друзья?

Когда спустился во двор, такси уже стояло у парадного; только забрался на переднее сиденье, и автомобиль без промедления тронулся в путь.

– Куда едем? – уточнил я.

Таксист выдернул из-за солнцезащитного козырька мятую бумажку и прочитал адрес:

– Береговая, тридцать восемь.

– Старый Берег? – прикинул я.

Этот застроенный фешенебельными особняками район слыл пристанищем богатеев, чьи интересы обслуживали лучшие адвокаты города, поэтому дело было точно не в пьяном вождении или унции кокаина, найденной у сынка какого-нибудь биржевого воротилы.

Нет, стряслось что-то серьезное. Бриг из-за ерунды суетиться не станет.

– Старый Берег, да, – кивнул таксист и замолчал, неведомым профессиональным чутьем сразу определив во мне полицейского.

Так и ехали – молча, и только когда вдоль дорог потянулись живые изгороди, водитель опустил боковое окошко и озадаченно пробормотал:

– Тридцать три, тридцать пять, тридцать семь, а дальше? Где тридцать восьмой-то?

– С другой же стороны, – подсказал я. – Он же четный!

– Я понимаю, что четный, – хмыкнул таксист и припарковался у тротуара. Вылез из машины, прошелся по улице, разглядывая номера на почтовых ящиках, но вскоре вернулся обратно. – Нет такого дома.

– А вот поворот, может, там?

Водитель пожал плечами и направил автомобиль в замеченный мной узкий проезд, но минут через пять лавирования меж высоких заборов мы уперлись в запертые ворота и пришлось сдавать назад.

– Почтальон едет, – указал я. – Спроси.

Таксист выскочил наружу, выслушал совет велосипедиста и вновь уселся за руль.

– Говорит, дорогу застроили, надо объезжать, – пояснил он и, пробудив заточенную в двигателе сущность, направил такси в указанном почтальоном направлении. Минут через десять сбросил скорость и недоуменно хмыкнул: – Тридцать девять есть, тридцать шесть есть. А тридцать восьмого нет!

– Тормози, – распорядился я, увидев кативший навстречу полицейский автомобиль. Распахнув дверцу, уверенно шагнул на проезжую часть и продемонстрировал служебный значок.

– Что-то случилось, комиссар? – опустил боковое окошко сидевший на водительском месте патрульный.

– Тридцать восемь по Береговой – это где?

Полицейский на миг задумался, а затем указал в сторону, откуда мы только что приехали:

– Надо вернуться на пару кварталов и повернуть налево.

– Уже пробовали, – вздохнул я. – Там проезд закрыт, а тридцать девятый дом – вот он.

Патрульный смутился.

– Честно говоря, комиссар, планировка этого района несколько запутанна...

– Тогда так! – Я решил зайти с другой стороны. – Какие-нибудь происшествия сегодня поблизости были? Экстренные вызовы?

– Убийство! – оживился полицейский на пассажирском сиденье. – Комиссар, вас убийство интересует?

– Где?

– Вон тот кондоминиум, – указал он на торчавшую над особняками крышу многоквартирного жилого дома. – Следующий поворот налево.

– Спасибо. – Я вернулся в такси и уточнил: – Слышал?

– Да, – кивнул водитель.

Автомобиль тронулся с места, свернул в переулок и вскоре подъехал к ограде новенькой пятиэтажки. И сразу от въезда во двор едва ли не под колеса такси бросился карауливший меня Алекс Бриг.

– Где тебя черти носят? – раздраженно бросил он. – Час! Я звонил тебе час назад!

– Полегче, – усмехнулся я, выбираясь из салона. – И так совершенно случайно адрес нашли.

Медиатор в ответ лишь фыркнул, после расплатился с таксистом и заторопился:

– Идем! У нас не так много времени!

Не сдвинувшись с места, я перехватил его руку и спросил:

– Что стряслось?

Убийство – это не шутка. Пытаться замять убийство – идея не из удачных. Возможно, Алекс справится и с этим, но без меня. Я в такие игры не играю.

– Все плохо, – поморщился медиатор. – У нас на руках труп. И человек, которому никак нельзя отправляться в тюрьму.

– Не самый лучший расклад, – признал я, поражаясь, что Бриг вообще решил взяться за столь дурно пахнущее дело.

Обычно он избегал вступать в прямую конфронтацию с полицией, предпочитая выискивать обходные пути с помощью многочисленных связей и своего знания уголовного законодательства. А в законах, надо сказать, он разбирался почище большинства адвокатов; недаром уже в двадцать шесть получил назначение на пост заместителя районного прокурора и какое-то время слыл среди коллег восходящей звездой. В тридцать лет Алекс понял, что в системе правосудия достиг своего потолка, и, когда его в очередной раз обошли с повышением, резко поменял амплуа. Он перестал создавать людям проблемы, более того – начал весьма успешно их решать. Как оказалось, именно это и было его истинным призванием.

В среде медиаторов Бриг по праву считался одним из лучших специалистов по разрешению уголовных проблем, и я с трудом мог представить, чтобы он по доброй воле взялся за столь гиблое дело. Если только ему не посулили очень, просто неприлично большой куш. Или не обратился человек, которому никак нельзя отказать. Но таких деятелей в Осени было не так уж и много...

И, словно подтверждая мои догадки, медиатор с мрачным видом кивнул на заполонившие двор полицейские автомобили и как-то очень уж горько пробурчал:

– Слетелись, стервятники!

– Когда-то ты сам верховодил в этой стае, – напомнил я, разглядывая территорию кондоминиума через кованую ограду.

На первый взгляд ничего необычного. Парковка, цветники и клумбы, на въезде – будка привратника с поднятым шлагбаумом. Люди здесь жили явно не бедные, но по меркам района дом был далеко не самый роскошный. Так из-за чего тогда весь сыр-бор?

– Идем! – позвал меня медиатор.

– Рассказывай!

– Нельзя терять ни минуты!

– Чего нельзя, так это использовать меня втемную, – покачал я головой и поправил галстук. – Либо вводи в курс дела, либо – до свиданья!

– Ты меня так не подставишь!

– Тогда и ты меня не подставляй! Знаешь, мне совсем не улыбается вылететь с работы из-за твоего желания прогнуться перед какой-то важной шишкой.

– Ты даже не представляешь, насколько важной, – поморщился Бриг, и его скуластое, с мощной челюстью лицо окончательно сравнялось пропорциями с кирпичом. – Слышал уже, что здесь случилось?

– Слышал. Убийство.

– А кто главный подозреваемый?

– Нет.

– Рональд Готвальд-младший!

– Первый раз о таком слышу.

– Вот только не надо! – рыкнул Алекс. – Он из тех самых Готвальдов! Да, тех самых!

– Успокойся, а то нас сейчас попросят покинуть территорию, – улыбнулся я, заметив, как устались на медиатора дежурившие у ворот патрульные. – Разумеется, мне известно, что Готвальд-старший занимает пост директора-распорядителя семейного траста, который контролирует городской вокзал. Ну и? Дальше-то что?

– А дальше у нас выборы! – неожиданно выдал Бриг. – Готвальд-старший готов поддержать мэра, профсоюз грузчиков тянет одеяло на себя, рассчитывая продаться Ланфорду. Если газетчики прознают об убийстве, из этого раздуют грандиозный скандал!

– Ну да! – усмехнулся я. – Мэр на каждом углу трубит о борьбе с преступностью, и вдруг такое. Скандал в благородном семействе, да и только.

– Тебе смешно? – нахмурился медиатор. – А мне так не очень. Советник Гардин лично попросил меня разрешить эту ситуацию!

– Подумать только, сам советник Гардин! – Я продолжал ерничать, хотя на деле никаких поводов для иронии не было.

Согласно неофициальной табели о рангах, Гардин являлся одним из наиболее влиятельных политиков в окружении нынешнего мэра, а некоторые газетчики и вовсе всерьез называли его серым кардиналом городского совета. Как бы то ни было, влиянием он обладал просто колоссальным.

Оказать такому человеку услугу – это очень серьезно, но куда серьезней подобное поручение провалить. Враз окажутся закрыты очень многие двери.

– Хватит! – скривился Алекс, для которого советник всегда был примером для подражания. Гардин ушел в политику с должности прокурора, и Бриг лелеял мечту, повторив его путь, тоже когда-нибудь пробиться в городской совет. Так, по крайней мере, он имел обыкновение разглагольствовать после пары-тройки лишних порций виски.

– А что хватит? – уставился я на него. – Что хватит, а? Хочешь, чтобы я развалил дело, так?

– Я хочу, чтобы ты проконтролировал следствие. Каждый шаг, понимаешь? Парень клянется, что не убивал, и у меня нет оснований не верить его словам!

– Ты уже общался с ним?

– С адвокатом.

– Ладно, посмотрю, что можно сделать, – обреченно вздохнув, пообещал я. – Кто ведет дело?

– Инспектор Крамер.

– Час от часу не легче! – охнул я, только сейчас поняв, откуда у Алекса этот похоронный настрой.

Попытка сбить со следа Петра Крамера по сути своей ничем не отличалась от намерения остановить мчащийся на всех парах локомотив, наивно встав на его пути. Сомнет и даже не заметит. А давить на инспектора через руководство в столь щекотливом деле Бриг резонно опасался. Против капитана Петр, разумеется, не пойдет, но любая утечка информации равнозначна катастрофе, поэтому хватит одного-единственного анонимного звонка в «Вечерний экспресс», чтобы все наши потуги отправились напрямик псу под хвост.

И я даже знал, кто именно совершит тот самый «анонимный звонок» – инспектор Крамер терпеть не мог, когда на него оказывают давление.

– Виктор! – вновь поторопил меня Алекс.

Я отмахнулся и подошел к будке привратника, там предъявил патрульным служебный значок и отправился на поиски инспектора.

Долго искать не пришлось. Глава дивизиона криминальной полиции раздавал указания толпившимся у парадного детективам следственной группы.

Неподвижно замерший на верхней ступеньке сержант Фольг при моем появлении даже бровью не повел, а вот давешний паренек немедленно отвлекся от опроса свидетеля и что-то сказал стоявшему спиной к въезду во двор Крамеру.

Тот с удивлением обернулся, но сразу взял себя в руки, вытащил изо рта неизменную сигару и радушно улыбнулся:

– Специальный комиссар Грай! Вот уж не ожидал встретить вас так скоро! Думаю, не ошибусь, предположив, что к столь неожиданному вашему появлению приложил руку господин Бриг?

– Не ошибаешься, – подтвердил я и предложил: – Отойдем на минутку? Надо поговорить. Наедине.

– Отчего же не поговорить? – пожал плечами Петр и зашагал по дорожке. А когда мы удалились от остальных полицейских на достаточное расстояние, он негромко произнес: – Чему, Виктор, ты не научился, так это выбирать друзей.

- Никто из нас не идеален.
- Примчался спасать молодого гуляку?
- Начистоту?
- А как иначе?

– Я просто хочу убедиться, что в ходе предварительного следствия не было допущено никаких ошибок.

– Никаких ошибок, – отрезал инспектор Крамер. – Улики железные. И это мое дело, а не твое.

– Ты ведь знаешь, что с учетом политической ситуации я сумею провалить идею внешнего аудита. Капитан пойдет мне навстречу, – уверенно заявил я, подумав, что если не к моим доводам, так к словам советника Гардина шеф прислушается точно, – и тебе об этом прекрасно известно.

Петр снисходительно поглядел на меня и вдруг ткнул сигарой в сторону одной из патрульных машин.

- Виктор, что ты видишь? – загадочно поинтересовался он.
- Автомобиль.

– Вот! – улыбнулся инспектор. – А в нем – наш подозреваемый. И стоит мне лишь слово сказать, он в ту же минуту отправится в управление. А там уже вы с капитаном можете договариваться с кем угодно и о чем угодно. Я просто умою руки.

Шах и мат. Как только Готвальд-младший переступит порог изолятора, об этом станет известно всем криминальным репортерам города. И уже к вечеру эта скандальная новость окажется на передовицах газет.

- А ты точно уверен, что парень виновен? – прищурился я.
- У нас достаточно улик для предъявления обвинения.
- А для обвинительного приговора?

Вопрос попал точно в цель. Петр Крамер явственно поморщился и отвернулся. Игрок в покер из него был никудышный.

- Все улики косвенные? – догадался я.
- С чего бы мне говорить об этом с человеком, который хочет развалить дело?
- Петр, вот только не надо, а? Если парень виновен, я и пальцем о палец не ударю, чтобы спасти его шкуру, кто бы меня о чем ни просил. Как ты сказал – просто умою руки.
- Не знаю, не знаю, – пробормотал инспектор, но тон его говорил об обратном. Он знал. Знал, какие выставит условия, и знал, что мне они не понравятся.
- Выкладывай, – потребовал я. – Давай-давай! Не тяни!
- Займешься этим делом неофициально. Если посчитаю, что ты намеренно путаешь следствие, вылетишь отсюда в тот же миг. И капитан не поможет. Уяснил?

- Что еще?
- Мне понадобится от тебя небольшая услуга.

Небольшая услуга?

Ага, как же – небольшая! Инспектор обычно на мелочи не разменивался.

Могила? Не думаю. Мигрень? О, да!

– Чего ты хочешь?

– Нет, – резко мотнул головой Крамер и без обиняков поставил вопрос ребром: – Просто реши, согласен или нет.

Решить? А есть ли у меня выбор?

– По рукам, – скривился я и сразу перешел к делу: – Итак, что здесь стряслось? Кого убили?

– Идем, – позвал меня за собой инспектор и на ходу начал рассказ: – Тело неизвестной женщины двадцати – двадцати трех лет было обнаружено в мусорном контейнере в семь часов утра.

– Причина смерти?

– Многочисленные колотые и резаные раны. Орудие убийства не обнаружено. Нет ни одежды, ни документов.

– И что связывает ее с обвиняемым?

– Ничего. – Инспектор выдержал паузу и усмехнулся: – За исключением капель крови на лестнице черного хода и смазанного отпечатка ладони на дверной ручке квартиры. Тоже кровавого.

– Все улики действительно косвенные, – пренебрежительно фыркнул я. – Время смерти установили?

– В процессе.

Мы обогнули жилой дом и подошли к заборчику, окружающему мусорную площадку. Сверкнула магниевая вспышка, и полицейский фотограф отошел в сторону, освобождая место помощнику coronера.

– С семи утра для этого было достаточно времени, разве нет? – удивился я.

– Поначалу этим делом занимались местные, нас подключили только после того, как стала известна личность подозреваемого, – пояснил Крамер и задумчиво оглядел изжеванный кончик сигары. – Да еще криминалисты полчаса по окрестным улицам плутали, пришлось машину за ними посылать.

– И где они? Криминалисты, в смысле?

– Снимают отпечатки пальцев в квартире подозреваемого и с лампой черного света ищут там следы крови. Найдут – и дело сделано.

– Улики косвенные! – напомнил я. – Косвенные! Разрабатывайте другие версии! Устанавливайте личность убитой! Работайте!

– Да ну тебя, – отмахнулся инспектор и остановился в паре шагов от переложенной на брезент жертвы.

Блондинка. Крашенная. А так – брюнетка. Молодая. Симпатичная.

Была симпатичная, теперь просто мертвая.

Склонившийся над телом помощник coronера толком не давал разглядеть повреждения, повлекшие за собой смерть, но и так было ясно, что жертве нанесли никак не меньше дюжины ударов ножом.

– Если ее убили в квартире, там должны остаться следы, – решил я. – Посмотрим, что скажут криминалисты.

– Не факт. В ранах отсутствуют нитки и остатки материи, значит, в момент убийства она была обнажена. Нападение могло произойти в душе или ванне. И если первый удар задел сердце, обильного кровотечения не было. – Петр Крамер разложил все по полочкам и спросил поднявшегося с колен помощника coronера: – Что-то определенное уже можете сказать?

– Смерть наступила от восьми до десяти часов назад, – ответил тот, стягивая резиновые перчатки, – но это навскидку. Точное время смерти назову после вскрытия. Тело можно забирать?

– Да, конечно, – разрешил Крамер. – Сейчас распорядюсь насчет кареты «скорой помощи».

– Подождите! – остановил я инспектора. – Подозреваемому жертву показывали?

– Да.

– Опознал?

– Нет.

– Понятно. – Я развернулся и зашагал обратно во двор. – Полагаю, алиби у него нет?

– Нет.

– Но улики только косвенные.

– Пока.

– Петр, ты ведь понимаешь, что концы с концами не сходятся? – хмыкнул я.

– В самом деле? – ухмыльнулся Крамер и передвинул сигару в уголок рта. – Решил примерить костюм адвоката дьявола? Ладно, излагай свои соображения.

Я остановился на углу дома и окинул взглядом огороженную территорию кондоминиума.

– Если убийство произошло ближе к полуночи, почему убийца не избавился от тела? Зачем сунул его в мусорный контейнер? Из будки на въезде не просматривается ни черный ход дома, ни калитка в ограде. Разве так сложно вынести тело за территорию и выбросить его на соседней улице?

– Возможно, его кто-то спугнул.

– Ночью?

– Возможно, он решил избавиться от тела только под утро.

– Он идиот?

– Возможно, – на полном серьезе кивнул инспектор и добавил: – К тому же идиот пьяный. Вечер провел в клубе, изрядно набрался, снял девку, но что-то у них не заладилось, и он ее зарезал. А когда протрезвел, бросился заметать следы. Сейчас патрульные проверяют мусорные баки по соседству, ищут одежду жертвы и орудие убийства.

– Понятно. – И, не спеша соглашаясь с версией Петра, я в свою очередь спросил: – Калитка на ночь запирается?

– Думаешь, тело могли подкинуть?

– Запирается или нет?

– Последнюю неделю замок был сломан.

– И это не кажется тебе подозрительным?

– Виктор, ты цепляешься за соломинку! – отмахнулся инспектор. – Это сделал Готвальд!

– Мне надо с ним поговорить.

– Хорошо, – легко согласился Петр. – И кстати, напомни ему, что чистосердечное признание...

– Да-да-да! – отмахнулся я и, не став слушать Крамера, зашагал к полицейскому автомобилю. Распахнул дверцу, забрался на место водителя и попросил сидевшего рядом с подозреваемым на заднем сиденье адвоката: – Мэтр, оставьте нас.

– Вы не имеете права! – возмутился тот. – Я не покину своего клиента!

Я тяжело вздохнул, а потом указал на стоявшего в воротах Алекса Брига:

– Мэтр, вам знаком этот импозантный господин?

– Да... – несколько неуверенно подтвердил адвокат.

– Ну и чего тогда вам еще нужно?

Одугловатый мужчина средних лет смерил меня недоверчивым взглядом, но все же выбрался из салона и аккуратно прикрыл за собой дверцу.

– Что происходит? – только тогда забеспокоился Рональд Готвальд-младший. – Кто вы такой?

– Тот, кто должен решить твою проблему.

– Я ничего не знаю! – сразу заявил подозреваемый, оказавшийся пареньком лет двадцати. – Я никого не убивал! Я невиновен!

Невиновен? Опасное и донельзя нелепое заблуждение: каждый из нас хоть в чем-нибудь предосудительном да замешан. А Рональд виноват как минимум в том, что именно из-за него заварилась вся эта каша.

– Меньше всего меня волнует, убивал ты или не убивал, – прямо заявил я, нисколько не покривив душой. – Гораздо важней, какие именно доказательства твоей вины сумеет раздобыть следствие.

– Не понимаю...

– Тебе и не надо, – усмехнулся я. – Просто ответь на два простых вопроса. Во-первых, как именно ты связан с жертвой? Во-вторых, какие улики связывают тебя с убийством?

– Я же говорил! – возмутился Рональд. – Я ничего об этом не знаю! Ничего!

– А ты знаешь, что сейчас тебя отвезут в управление, предъявят обвинение и газеты выльют на твоего отца целый ушат грязи?

– Переживет.

– Он – да, – кивнул я, – а вот на твой счет у меня есть большие сомнения. Когда тебя рано или поздно осудят, лишь политическое влияние семьи позволит смягчить приговор. А этого самого влияния на момент окончания суда останется весьма немного. Вот почему я должен разобраться с этим делом раньше, чем из всех щелей польется дерьмо.

Рональд неуютно поежился и, казалось, первый раз прислушался к моим словам.

– Почему это меня обязательно должны связать с убийством? – спросил он. – Почему обязательно должны найтись какие-то улики?

– Потому что их ищут, – усмехнулся я.

– Тело подкинули!

– Тем более! Никто не станет подкидывать тело, не озаботившись дополнительными доказательствами твоей вины. Думаешь, кто-то просто вымазал кровью дверную ручку, и все? Нет, имеется еще какая-то связь с жертвой, и ты должен мне о ней рассказать.

– Но я ничего не знаю! – быстро проговорил Рональд, почему-то перейдя на шепот. – Я был в клубе, перебрал коктейлей и уехал домой. А разбудили меня уже полицейские!

– Все это время ты был один?

– Да.

Я задумался, не плюнуть ли на это дело, потом глянул на маячившего в отдалении Алекса и решил так просто не сдаваться.

– Есть несколько способов связать тебя с жертвой, – произнес я, разглядывая осунувшееся лицо паренька, – во-первых, это свидетели. Даже если ты твердо уверен, что никто не видел, как ты вел девушку к себе домой...

– Я никого не вел к себе домой! – взорвался Рональд. – И любой, кто возьмется утверждать обратное, – лжец!

– Отлично, свидетелей отмечаем, – кивнул я. – Что насчет тебя самого?

– Это как?

– Царапины, укусы, ссадины?

– Нет, – мотнул тот головой. – Я в порядке!

– Замечательно. Место преступления?

– Что, простите? – ошарашенно распахнул глаза Рональд.

– С жертвой тебя можно связать еще и с помощью места преступления. Убитая бывала в твоей квартире? Найдут там криминалисты ее отпечатки или кровь?

– Нет! Говорю же: она никогда не была в моей квартире!

– Ладно. Теперь что касается орудия убийства: не пропало в последнее время ножей? Возможно, обычных столовых.

Тут парень надолго задумался, потом покачал головой:

– Нет, ничего такого.

– Что ж, – вздохнул я, – тогда у нас остается самый неприятный вариант. Полагаю, ты достаточно хорошо знаком с жертвой, и следствие сумеет это установить.

– Что?! Нет! Я ее не знаю!

– Послушай меня, Рональд. Это дело получит большой резонанс, и полиция бросит на его расследование лучшие силы. Как только установят личность жертвы, а это произойдет в самое ближайшее время, детективы проанализируют каждый ее шаг. Стоит только подтвердить факт знакомства, и главной уликой обвинения станет твоя собственная ложь! Поверь, я знаю, о чем говорю! Когда надо, полиция умеет работать методично. Ты знаком с убитой, встречал ее раньше?

– Я же говорил...

– Шила в мешке не утаишь, даже если ты просто пару раз пообедал в кафе, где она работала официанткой, это будет доказано, можешь не сомневаться.

– Какое кафе, какая официантка? – растерянно захлопал глазами паренек.

– Кто она? – продолжил я давить на Рональда, не давая ему собраться с мыслями.

– Я не знаю! – И Готвальд-младший спрятал лицо в ладонях. – Я уже ничего не знаю!

– Кто она?

– Мэтр...

– Забудь про адвоката! – Жутко захотелось отвесить парню затрещину, но с ним нельзя было вести себя как с обычным подозреваемым; требовалось найти особый подход. – Чем я, по-твоему, сейчас занимаюсь? Пытаюсь засадить тебя за решетку? Или спасаю твою задницу?! Пойми, нам надо выиграть время! Если эту ниточку начнет раскручивать полиция, перехватить инициативу уже не получится! Возможно, прямо в это самое время патрульные вытаскивают одежду и сумочку убитой из какого-нибудь мусорного бака по соседству! Как только полиция установит ее личность, для маневра просто не останется времени! Ну?!

– Я знаю ее, – выдавил из себя Рональд. – Знал...

– И состоял с ней в интимной близости?

– Да.

– В твоей квартире найдут ее отпечатки?

– Нет! Я никогда не приводил ее к себе. И я ее не убивал! Не убивал!

– Имя? – достал я блокнот и химический карандаш. – Как ее звали?

– Роза Вилард. Она работала стенографисткой в юридической конторе, где я проходил практику.

– Что за контора?

– «Барк и партнеры».

– Как долго ты поддерживал с ней отношения?

– Три или четыре месяца.

– И никогда не приводил к себе? – оторвался я от блокнота. – Уверен?

– Никогда! Мы ходили в клуб «Эльдорадо», и вот... – Парень достал связку ключей и показал мне один из них. – Вот, сами посмотрите!

Я присмотрелся к ключу и недоуменно хмыкнул, разглядев надпись «Банк» и непонятный трехзначный номер.

– При чем здесь банковская ячейка?

– Нет! – закатил глаза Рональд. – Я снял для нас номер в доходном доме Линштейна. Они специально делают такие ключи, чтобы непосвященные не догадывались. Роза спокойно свой на общей связке носила.

– Что могло привести ее сюда вчера вечером?

– Ничего! Роза даже не знала, где я живу! Мы танцевали в «Эльдорадо», а после шли в номер. Или сразу договаривались встретиться в доходном доме. Но это только по вторникам и четвергам, когда ее муж допоздна задерживался в клубе. А вчера была пятница! Она не смогла бы выйти из дома без веской причины!

– Так она замужем?

– Да. За младшим партнером той же конторы.

– Ясно. – Я стянул с кольца ключ от номера и с блокнотом в руке выбрался из автомобиля. – Посиди пока здесь, – после захлопнул дверцу и тихонько выдохнул себе под нос: – Вот дерьмо!

На Алекса не хотелось даже смотреть, ну я и не стал. Достал сигареты, закурил и подошел к стоявшему на крыльце Крамеру.

– И что скажешь? – с неприкрытым сарказмом поинтересовался Петр. – Как там твой подзащитный?

Я раскрыл блокнот и просветил инспектора:

– Убита некая Роза Вилард, стенографистка из юридической конторы «Барк и партнеры». Рональд состоял с ней в интимных отношениях.

– Вот оно как! – с удивлением уставился на меня Крамер. – Право слово, не ожидал! Хотя мы бы и сами это установили...

– Это еще ни о чем не говорит, – поморщился я. – Она была замужем за младшим партнером той же конторы, а тебе ли не знать, что по статистике...

– Чаще всего к убийству супруга причастна его вторая половинка, – продолжил мою мысль инспектор и повернулся к водителю: – Артур, тело уже увезли?

– Пока нет.

– Тогда задержи «скорую» и вызови сюда этого, как его...

– Виларда, – подсказал я. – Контора называется «Барк и партнеры».

– Помню, – буркнул парнишка и убежал.

– Дело ясное. – Крамер вытащил изо рта сигару, в очередной раз осмотрел изрядно пожеванный кончик и начал излагать свою версию: – Он привел ее к себе, они поругались, вот и зарезал ее в пылу ссоры, в состоянии аффекта. А когда протрезвел, начал замечать следы.

– Что с отпечатками пальцев и следами крови в квартире?

– Не нашли, – был вынужден признать инспектор.

– Улики косвенные! Косвенные! – вновь напомнил я, последний раз затянулся и выдохнул дым в сторону инспектора.

Петр Крамер демонстративно помахал перед лицом затянутой в перчатку ладонью, с укоризной посмотрел на меня и резонно заметил:

– Она станет не первой легкомысленной дамочкой, зарезанной ревнивым любовником. Я только смешком подавился.

– Ты видел его? – указал в сторону полицейского автомобиля. – Это он-то ревнивый?

– А если она хотела выскочить за него замуж?

– Ну и послал бы ее подальше. Убивать-то зачем?

– Значит, просто был пьян, – пожал плечами инспектор.

– Рональд утверждает, что никогда не приводил ее к себе на квартиру, – покачал я головой и протянул Петру странный ключ. – Они встречались в доходном доме Линштейна по вторникам и четвергам, когда ее супруг задерживался в клубе. А вчера была пятница.

– Я отправлю туда людей, – кивнул инспектор, – но даже если он говорит правду, это вовсе не значит, что он не убивал. – И Петр подозвал водителя: – Артур!

– Да, инспектор?

– Карету «скорой помощи» с телом задержали?

– Да.

– Супруга вызвал?

– Только что до него дозвонился, – подтвердил Артур и отчитался: – Заявление о пропаже Розы Вилард поступило в управление вчера без четверти двенадцать. Подробностей дежурный пока не сообщил.

– Выясни.

Парень убежал исполнять распоряжение; Петр Крамер отправился инструктировать детективов, а я с досадой отмахнулся от Алекса Брига и достал новую сигарету.

Похоже, Готвальд-младший влип по самые уши. И мы вместе с ним за компанию.

– Инспектор! – раздался вдруг чей-то крик на заднем дворе.

Я поспешил на шум и увидел, как один из патрульных демонстрирует Крамеру матерчатый мешок.

– Нашли одежду? – заинтересовался я. – Где?!

Глава дивизиона криминальной полиции в ответ только поморщился, и пришлось ему напомнить:

– Мы ведь сотрудничаем, так?

– Сотрудничаем, – признал Петр и соизволил раскрыть детали: – Одежда жертвы была обнаружена в мусорном баке на соседней улице.

– А орудие убийства?

– Продолжаем поиски.

– Тогда позвольте... – Я забрал мешок и вытряхнул его содержимое на расстеленный по земле брезент.

Блузка, юбка с длинным боковым разрезом, туфельки, бюстгальтер, атласные трусики, пояс с фильдеперсовыми чулками, розовый кошелек. Все целое и чистое.

– Ну вот. Пошла принять душ, там он ее и зарезал, – уверенно заявил Петр Крамер. – Поэтому криминалисты и следов крови не нашли. А отпечатки все стер, было время.

– Вчера они вообще не должны были встречаться! Вчера у нее муж был дома!

– По словам подозреваемого, – парировал инспектор.

– Раскройте кошелек, – попросил я.

Натянувший резиновые перчатки криминалист выполнил мое распоряжение и вытряхнул из кошелька пригоршню мелочи, несколько сложенных вдвое банкнот, удостоверение личности на имя Розы Вилард и связку ключей.

Но вот что интересно – ключа от номера в доме свиданий на кольце не обнаружилось.

– Вот и все, – повторил инспектор. – Дело закрыто.

– Тебе не кажется странным, что нет сумочки? – потер я подбородок. – И пусть у дамочки гулял ветер в голове, но вчера шел дождь и с ее стороны выйти из дома в легоньких туфельках, откровенно говоря, глупо. Опять же где плащ и шляпка? И почему пропал ключ от номера?

– Может, его и не было?

– Зачем Рональду врать?

– А зачем мы все время? – пожал плечами Крамер. – Кстати, он сам мог снять ключ, когда заметал следы.

– Инспектор, – произнес вдруг Артур, – приехал Вилард.

– Уже? – удивился я и глянул на хронометр. С момента телефонного звонка в конторе не прошло и четверти часа. – Постой, что ты ему сказал?

– Сказал, что требуется опознать тело его жены, и продиктовал адрес, – нахмурился парень. – А что?

– Ничего, – покачал я головой, провозжая взглядом проехавшее за полицейское оцепление купе.

Выбравшийся с водительского места худощавый господин растерянно огляделся, инстинктивно определил в Петре старшего и поспешил в нашу сторону.

– Где моя жена? – с ходу заголосил он. – Проводите меня к ней! Я хочу ее видеть!

– Пройдите за мной, – позвал его инспектор и зашагал к припаркованной у ограды карете «скорой помощи». Артур поспешил следом, а криминалист принялся убирать одежду жертвы обратно в мешок.

Я же подошел к автомобилю безутешного вдовца, оглядел его со всех сторон и задумался. Покоя не давали сущие мелочи, но именно в мелочах зачастую и заключается суть нашей работы.

Поэтому вместо того, чтобы выкинуть сомнения из головы, выставил перед собой руку и начал загибать пальцы.

Исчезновение ключа от номера в доходном доме. Большой.

Не по погоде легкая одежда и обувь. Указательный.

Отсутствие сумочки. Средний.

Не найденное с остальными вещами орудие убийства. Безымянный.

Слишком быстрое прибытие супруга на место преступления. Мизинец.

Плюс, если верить Рональду, – неурочное время встречи.

Столько невыясненных моментов... Не многовато ли для того, чтобы рапортовать о закрытии дела и задержании убийцы?

С другой стороны, а стоит ли верить словам Рональда? Как ни крути, инспектор в этом отношении кругом прав: все мы врем. И ложь для подозреваемого в убийстве скорее правило, нежели исключение.

Плюнуть бы и забыть, но...

Но меня-то попросили Рональда спасти, а не утопить! А если принять в расчет тот факт, что в делах об убийствах супруги жертв обычно становятся главными подозреваемыми, особенно при наличии интрижки на стороне, то к господину Виларду стоит присмотреться повнимательней. Это для Крамера все уже решено, не для меня.

– Отличная машина, – проследив за моим взглядом, сказал вдруг криминалист, уже успевший сложить вещи убитой обратно в мешок. – У этой модели первоклассная сущность движения, такие в движки гоночных болидов заключают.

– Разбираетесь? – уточнил я, изучая несколько кургузый, на мой взгляд, кузов.

– Постольку-поскольку, – пожал парень плечами. – Читал обзор в последнем номере «Рулевого колеса».

– Быстрый?

– Семьдесят миль по прямой.

Семьдесят миль? Неплохо. И все же это не объясняло того факта, что свежее испеченный вдовец, зная один лишь номер дома, добирался до места преступления меньше четверти часа. Подвозивший меня таксист и полицейские водители искали дорогу значительно дольше. И даже здешние патрульные не сразу сообразили, куда надо ехать.

Откуда Вилард так хорошо знает этот район?

Бывал здесь раньше? Но с какой целью?

– Багажник вместительный? – задумчиво пнув покрывку, спросил я криминалиста.

– Вполне, – уверенно кивнул тот.

– В самом деле?

– Объем увеличен за счет салона.

– Что-то не верится.

– Но я читал...

– Репортеры горазды приврать. Давайте-ка сами проверим! Выведем этих бумагомарак на чистую воду! Когда еще такой шанс представится?

Я просунул руку в открытое боковое окно и, потянув рычаг, разблокировал багажник. После обошел автомобиль и, обернув ручку носовым платком, поднял крышку. С интересом заглянул внутрь. А там и в самом деле оказалось весьма просторно. Просторно – и чисто-чисто. Будто только этой ночью отдраили.

– А вот, кстати, вам не кажется странным, что автомобиль пыльный, а багажник вымыт? – Я провел уголком платка по краешку резинового коврика, и белая ткань совершенно не замаралась. – По мне, так подозрительно, не находите?

Криминалист понимающе кивнул, оценил расстояние до парадного и предложил:

– Если перебросить через окно, то провода от лампы черного света должно хватить.

– Ну так чего мы ждем? – усмехнулся я. – Пусть у нас нет ордера на обыск, но в рамках следственных мероприятий мы без всякого промедления должны проверить столь подозрительный факт!

Парень незамедлительно убежал, а уже через пару минут одно из окон на первом этаже распахнулось, и перегнувшийся через подоконник криминалист передал мне увесистый осветительный аппарат с темно-темно-фиолетовым, почти черным стеклом. Осторожно протягивая за собой шнур, я вернулся к автомобилю и остановился у распахнутого багажника в ожидании специалиста.

Вскоре тот присоединился ко мне, шелкнул переключателем и осветил резиновый коврик, но сразу попросил:

– Уберите его.

Я выполнил распоряжение, и криминалист принялся обследовать ворсовую обивку. Какое-то время спустя он выключил лампу и, отложив ее в сторону, расстегнул саквояж.

– Ну что? – забеспокоился я.

Эксперт пошарил пинцетом в жестком ворсе и продемонстрировал мне прямой светлый волос, ближе к корню заметно темневший.

– Крашенный, – определил он, убирая улику в бумажный конверт. После отыскал еще парочку, а потом проверил другую сторону багажника и озадаченно хмыкнул, демонстрируя короткий волосок, курчавый и почти черный. – А вот этот натуральный.

– Это ничего не доказывает. Адвокат заявит, что они попали туда с вещами.

– Возможно. – Парень вытащил из саквояжа бутылочку темного стекла и кисточку, с головой залез в багажник и начал аккуратно обрабатывать его обшивку. – Но в свете лампы я заметил темные пятна... – Он сделал паузу и усмехнулся. – Да, есть реакция, это кровь. Ее пытались смыть, ворс местами еще влажный.

– Можно установить время, когда именно была испачкана ткань?

– Пятна точно свежие. Они выглядели темными и бархатистыми, если бы гемоглобин начал разрушаться, свечение приобрело бы ярко-оранжевый характер. Остальное покажет лабораторный анализ.

– Понятно...

– Надо сообщить инспектору и вызвать фотографа.

– Сделаю, – пообещал я, прошел на задний двор и окликнул стоявшего рядом с каретой «скорой помощи» Крамера. А когда Петр, оставив Артура успокаивать безутешного вдовца, с недовольным видом приблизился, с ходу огорошил его новостями.

– Ну надо же, Виктор! Ты умудрился выкрутиться! – только и покачал головой инспектор.

– Я не выкручивался, я просто искал убийцу!

– Как тебе угодно. Какие будут предложения?

– Надо отправить людей на квартиру жертвы и обшарить мусорные баки по месту ее жительства. Пусть ищут тряпки со следами крови и нож. И все кухонные ножи тоже на экспертизу отправят.

– Пожалуй, и соседей стоит опросить, – кивнул Крамер.

– А Готвальд-младший?

– Посидит дома, пока не расколем Виларда, – решил инспектор и уставился на меня. – Ну, доволен?

– Более чем, – и не подумал я скрыть свою радость. – Ну все? Пойду?

– Стоять! – немедленно скомандовал Петр. – Распорядись насчет Готвальда-младшего и бегом обратно. Поможешь с мужем.

– Хорошо.

Подозвав адвоката, я проводил Рональда до квартиры и, выставив у дверей двух патрульных, спустился во двор. Только вышел за ворота, и ко мне сразу же подскочил Алекс Бриг.

– Ну? – спросил он. – Есть результат?

– Дело в шляпе, – успокоил я его. – Остались чистые формальности.

– Убийство повесят на мужа?

– Тебе лучше не знать, – неопределенно поморщился я и повернулся к шагавшему по переулку неприметному господину в темно-сером костюме и матерчатой кепке с надвинутым на лицо козырьком. – Двигай отсюда, позже поговорим.

Криминальный репортер «Осеннего вестника» Кай Дворкин обладал просто феноменальным чутьем и умудрялся отыскивать «жареные» факты даже там, где его менее пронырливые коллеги уже успели перевернуть все вверх дном. Впрочем, такое случалось нечасто, обычно на месте преступления он появлялся одним из первых. Вот как сейчас...

Окинув цепким взглядом забравшегося в автомобиль Брига, газетчик по-приятельски улыбнулся мне и протянул руку:

– Какая встреча! Виктор, а я искренне полагал, что ты служишь в специальном дивизионе, а не в криминальной полиции.

Я ответил на рукопожатие и небрежно ответил:

– Просто по старой памяти помогал инспектору Крамеру.

– А господин бывший заместитель прокурора здесь тоже по старой памяти оказался? – уставился на меня Кай.

– Мне понадобилось прояснить один юридический вопрос, а он знает законы как никто другой.

– Даже так? – Дворкин шмыгнул длинным крупным носом, оглянулся на отъехавший от ограды автомобиль и покачал головой. – Знаешь, Виктор, одна птичка принесла мне на хвосте, что Готвальду-младшему предъявлено обвинение в убийстве. Учитывая появление на месте преступления столь влиятельных фигур, может получиться отличная история для вечернего выпуска. Не находишь?

– Дерзай, – усмехнулся я. – Будет забавно узнать от Анны подробности завтрашней планерки. Говорят, ваш босс терпеть не может приносить извинения за публикацию непроверенных фактов. Слышал, он хранит клюшки для гольфа у себя в кабинете; лично я бы на твоём месте заранее ушел на больничный.

– Ты знаешь что-то, чего не знаю я?

– Я знаю массу таких вещей. Например, чему равен корень кубический из пятисот двенадцати.

– Встретимся в четыре в «Принципе», тогда придержу материал.

Я смерил Дворкина с головы до ног полным превосходства взглядом и махнул рукой:

– Черт с тобой, договорились. Но предварительно позвони мне в управление.

– У вас есть другой подозреваемый?

– Увидимся, – рассмеялся я и зашагал к инспектору Крамеру, уже распахнувшему дверцу полицейского автомобиля.

– Восемь! – вдруг крикнул мне вдогонку Кай.

– Что?!

– Кубический корень из пятисот двенадцати – это восемь!

– Кто бы мог подумать, – фыркнул я и, забравшись на заднее сиденье, устроился рядом с Петром. – А где Вилард?

– В отдельной машине поедет, – пояснил инспектор и попросил водителя: – Артур, трогай.

Утро не задалось, день выдался ему под стать.

Вилард оказался крепким орешком и заставил нас попотеть. Он, будто захватившая блесну щука, то уходил на глубину, рассчитывая укрыться среди коряг, то кидался из стороны в сторону в надежде порвать леску.

Короче говоря – то разыгрывал возмущение и отмалчивался, не желая отвечать на неудобные вопросы, то вешал нам на уши откровенную лапшу. И жену-то он не убивал, и о ее интрижке ничего не знал. А слышавшие крики и ругань соседи точно что-то напутали, поскольку он вообще никогда в жизни не ссорился с покойной.

Только вот сколько веревочке ни виться, рано или поздно конец същется. Пусть полицейская машина и неповоротлива, но если уж ее маховики начали вращаться, то своими жерновами она перемелет любого. Ну, почти.

Сложно сохранять невозмутимость, когда тебя на целый день заперли в помещении для допросов, защитник ни черта в происходящем не понимает, а доказательства вины все прибывают и прибывают, и всем уже ясно, что просто отмолчатся не получится.

Младший партнер юридической конторы сознался в убийстве супруги в половине пятого вечера. В обмен на чистосердечное признание он выторговал обещание, что прокурор не станет требовать смертной казни, но, думаю, через пару лет каторги перспектива провести остаток жизни в исправительном учреждении Святого Кейна будет пугать его куда сильнее инъекции вечности.

– Лучше б просто развелся, – выйдя на крыльцо управления, вздохнул инспектор Крамер, надкусил новую сигару и произнес: – Послушай моего совета, Виктор: не женись.

– Не думаю, что закончу, как он, – рассмеялся я в ответ и закурил. – Отличная погода сегодня, не так ли?

Погода и в самом деле радовала. На синем небе не виднелось ни облачка, теплые лучи не по-осеннему яркого солнца высушили все лужи, а легкий ветерок играл с листьями росших вдоль дороги кленов.

– Погода? – пробурчал Крамер, огляделся по сторонам и поправил шляпу. – Вот только не надо заговаривать мне зубы!

– И в мыслях не было, – осклабился я и выпустил в сторону инспектора длинную струю дыма. – Как ты только мог такое подумать?

– Знаю я тебя! – хмыкнул Петр и попросил: – Будь добр, не дыми на меня. И так уже несет, как от табачной фабрики.

– Хорошо, не буду, – покладисто согласился я. – Ну так что – пойду?

– И даже не спросишь, какого рода услуга от тебя понадобится?

– А мы разве не в расчете? Неужели спасение вас от грандиозного фиаско не уравнивает чаши весов?

– Вот ты как?

Я выкинул окурок в урну и досадливо поморщился:

– Ладно, выкладывай, что ты хочешь получить за мою же помощь?

Петр Крамер сдвинул шляпу на затылок, потер переносицу и загадочно улыбнулся:

– О, просто позволь мне оказать тебе ответную услугу. Этого будет вполне достаточно.

– Не понял? – насторожился я.

– У тебя ведь нет личного водителя? – прекрасно зная ответ, спросил инспектор.

– Нет, – уставился я на собеседника. – И он мне не нужен. Абсолютно.

– Артур Левин...

– Сразу нет!

– А это не обсуждается, – нахмурился Крамер. – У нас ведь уговор, не так ли?

– Мне не нужен водитель!

– Послушай меня, Виктор! – Инспектор ткнул в меня пальцем с неровно обстриженным ногтем. – У парня талант! За ним надо просто какое-то время приглядеть и немного поднатаскать. Через пару лет он будет управляться с сущностями не хуже тебя.

– Предлагаешь мне стать его нянькой?

– Предлагаю тебе вернуть долг, – заявил Петр Крамер, имея в виду вовсе не нашу сегодняшнюю сделку. – Если бы я в свое время не замолвил за тебя словечко перед капитаном...

– Хорошо! – всплеснул я руками. – Хорошо! Но с шефом разговаривай сам! И это не обсуждается! Я к нему с этим не пойду, он и так на меня в последнее время косо поглядывает, знаешь ли.

– Не проблема, – легко пошел инспектор на уступку. – Просто когда он тебя спросит, подтверди, что не возражаешь.

– Договорились, – буркнул я и сбежал с крыльца, изрядно удивив тем самым Крамера.

– Куда-то спешишь? – спросил он.

– Кай Дворкин интересуется обстоятельствами этого дела, но не беспокойся – читатели «Осеннего вестника» узнают истинного героя дня! Глава дивизиона криминальной полиции инспектор Крамер вновь вступает в противоборство с отчаянным преступником и...

Петр плюнул и, не дослушав меня, вернулся в управление.

Домой в итоге получилось приехать уже в районе семи. Туманно сославшийся на некие дела поздно вечером, Кай Дворкин в кои-то веки никуда не спешил и буквально вывернул меня наизнанку, выпытывая все подробности дела. Ну и пообедали заодно, конечно...

Заперев за собой дверь, я разделся и первым делом забрался под душ. Постоял там, после вытерся насухо махровым полотенцем и отправился на боковую.

Без малого сутки на ногах, самое время немного прикорнуть.

Но только закрыл глаза, и по закону подлости немедленно затрезвонил телефон! Пришлось подниматься и тащиться на кухню.

– Да, – спросонья пробормотал я в трубку.

– Дорогой! – послышался веселый голос Анны. – Мы сейчас приедем!

– Отлично, – отозвался я, в ответ раздались короткие гудки.

«Мы» – это просто здорово. «Мы» – это значит, у нас будут гости.

Замечательно! Что еще нужно субботним вечером для полного счастья?

Я с выражением выругался и посмотрел на часы; оказалось, что уже девять вечера.

Только глаза прикрыл? Ну-ну.

Ладно, пару часов вздремнуть удалось, и то хлеб. Знаем мы этих гостей, точно полночи куролесить будут, потом еще в танцевальный клуб потащат. Газетчики, чтоб их...

И с тяжелым вздохом я отправился одеваться. Натянул домашние штаны и клетчатую байковую рубашу и только вернулся на кухню, как забарабанили во входную дверь. Пришлось бросать оставшуюся невымытой с завтрака тарелку в раковину и впускать Анну и ее гостей.

Первым, как ни удивительно, в квартиру ввалился Кай Дворкин.

– Привет! – с ходу сунул он мне бутылку красного вина.

– Давно не виделись, – пробурчал я и куда радушней поздоровался с Эллой Сингер – симпатичной и приятной во всех отношениях дамочкой, заведовавшей в «Осеннем вестнике» светской хроникой. – Привет-привет!

– Здравствуй, Виктор! – Переступив через порог, та подставила щеку для поцелуя, прошла в прихожую и позволила Каю избавить ее от плаща.

Об отношениях этой парочки в газете не догадывался только главный редактор, по совместительству – муж Эллы и почетный рогоносец.

А впрочем, кто знает? Может, и догадывался или даже знал. Чужая душа – потемки.

– Ты не скучал без нас, дорогой? – лукаво улыбнулась Анна, а когда я снял с ее плеч приталенную замшевую курточку, представила последнего своего спутника: – Знакомьтесь. Роман Волин, Виктор Грай.

Я ответил на крепкое рукопожатие и сразу вспомнил статью во вчерашней газете.

– Так вы...

– Да! – слегка склонил голову лощеный господин, быть может, лишь на пару лет постарше меня. – Тот самый Волин.

Я только улыбнулся и не стал говорить, что «тем самым» был его папенька. А сам он тянет лишь на одного из множества скучающих бездельников, всем своим благосостоянием обязанных доставшемуся от родителей наследству. Напомаженные волосы, тоненькая полоска усиков над верхней губой, самоуверенная улыбка, модный костюм и нелепый галстук в серебристую клетку этому моему мнению о новом знакомом нисколько не противоречили. Разве что острое породистое лицо несколько скрашивало общее впечатление, но опять же форму носа и скул следовало поставить в заслугу его отцу.

Анна отправилась напрямиком на кухню и позвала всех за собой.

– Идемте праздновать! – заявила она.

– И что же мы сегодня празднуем? – пропустив вперед остальных, поинтересовался я.

Роман Волин обернулся и пояснил:

– Я устраивал небольшой банкет по случаю вчерашнего открытия дома-музея отца, а потом Анна любезно пригласила нас к себе. Надеюсь, мы вас не побеспокоим?

– Ни в коем случае, – покачал я головой, выставил на стол бутылку вина и протянул штопор Каю, который никак не мог отлипнуть от Эллы.

Дворкин намек понял и, оставив свою пассивность в покое, выдернул пробку; Анна выставила высокие бокалы и, взяв защитную перчатку, отошла к хранилищу.

– Говори, что достать, – отправил я ее обратно за стол.

– Мы уже поужинали, а к вину лучше подойдут сыр и фрукты, – за всех решил Роман и подвинулся, освобождая место для стула Анны.

– У нас немного тесно, – с некоторым смущением улыбнулась та.

– Зато очень уютно, – немедленно возразил Волин.

Честно говоря, своей безудержной галантностью он меня уже порядком утомил. Но радушный хозяин не должен показывать своего дурного настроения, когда подвыпившая хозяйка приводит субботним вечером незваных гостей.

А я ведь радушный хозяин, так?

– Мне не наливайте, – попросил я, доставая из хранилища уже нарезанный сыр, пару яблок и несколько невесть когда убранных туда персиков.

– Это «Герцог Арк» урожая тринадцатого года! – с изумлением обернулся Роман. – Лучший год Солнечного Пика за последние сто лет!

– Не люблю вино.

– Точно, не любит, – подтвердил Кай Дворкин, в кои-то веки оторвавший взгляд от декольте своей спутницы. – Никакого вина! Вот главное правило Виктора Грая!

– Для этого можно сделать исключение, – нравоучительно заметил господин Волин.

– Благодарю, лучше выпью пива, – улыбнулся я и вновь открыл хранилище. Запустил руку в запертое внутри его прочными металлическими стенками и алхимическими формулами безвременье и невольно поежился, пытаясь отыскать нужную бутылку.

Вроде давно к Вечности привык, но нет же – всякий раз ощущения разные. То холодом повеет, то будто иголки в кожу втыкаются. Словно человеческий разум оказывается не в состоянии осмыслить эту аномалию, вот и изворачивается как может.

Ухватив горлышко, я вытянул заранее охлажденную на леднике бутылку и аккуратно прикрыл металлическую дверцу.

– Предлагаю выпить за встречу! – первым поднял бокал Роман Волин.

Я поддел открывашкой жестяную пробку, перелил пиво в высокую кружку и без всякой спешки сделал длинный глоток.

Хорошо!

Пиво и виски – вот это я понимаю. Вино? Не для меня.

А наш новый знакомый тем временем заинтересовался хранилищем и одобрительно поцокал языком:

– Отличная вещь. Очень удобно.

– И не говорите, – усмехнулся Дворкин. – Жаль только человека туда запихнуть нельзя.

Ну, для сохранения, в смысле...

– Запихнуть можно, – возразил я, – только ничем хорошим это не закончится.

– Были прецеденты? – моментально встрепенулся репортер.

Я лишь отмахнулся, не желая сейчас говорить о делах.

– Дорого обошелся? – вдруг спросил Роман у Анны, имея в виду хранилище.

– Понятия не имею, – рассмеялась та.

– Подарок отца? – предположил Волин.

– Нет, это Виктор договорился, – объяснила девушка. – Виктор, садись с нами!

– Постою, – отказался я, оперся о кухонный гарнитур и вновь глотнул пива.

Роман уставился на меня с нескрываемым удивлением.

– Слышал, вы работаете в полиции, – пробормотал он. – Не знал, что там так хорошо платят.

– Платят там просто отлично, – подтвердил я.

– Но каждый божий день общаться с отбросами общества... – брезгливо скривился франт, не уловив в моем ответе сарказма. – Как по мне, так оно того не стоит!

– С отбросами общества общаются другие люди, – рассмеялся Кай Дворкин. – Виктор имеет дело с уважаемыми людьми, с людьми традиций.

– В смысле? – ничего не понял Волин.

– С гангстерами, – пояснил я ему. – Еще с алхимиками, но они вовсе не такие занятные, как в фантастических кинолентах.

– Давайте выпьем! – поспешила сменить тему Анна. – В субботний вечер не хочется говорить о работе!

– Думаю, Кай готов говорить о работе даже в постели, – пошутил я, и приснувшая со смеху Элла чуть не облилась вином.

Дворкин посмотрел на меня с укоризной, но выразить возмущение не стал; вместо этого он отлип от подруги и принялся травить свои обычные байки. Я достал еще пива; непонятно откуда появилась вторая бутылка вина, и даже франтоватый Роман перестал вскоре вызывать у меня глухое, ничем не объяснимое раздражение.

И все бы ничего, но, когда подошло время закругляться, затрещавший на стене телефонный аппарат.

– Ну и кого из вас потеряли? – пошутил я, снял трубку и произнес: – Специальный комиссар Грай на проводе, – выслушал сообщение дежурного и вздохнул: – Хорошо, жду машину.

– Что-то случилось, Виктор? – забеспокоилась Анна.

Я заметил, как загорелись у Кая глаза, и с деланным безразличием махнул рукой:

– Пустяки. Простой вызов.

– Вызов в одиннадцать вечера – это пустяки? – почуял Дворкин запах сенсации. – Что стряслось?

– Без комментариев.

– Гангстерские разборки или прорыв?

– Без комментариев, – повторил я и поспешил успокоить Анну: – Не скучай без меня, вернусь через пару часов.

И, не дожидаясь дальнейших расспросов, отправился переодеваться.

Черт! Как же не вовремя-то!

Впрочем, оно всегда не вовремя. Такая работа.

Сменив домашнюю одежду на прогулочные брюки и вязаную фуфайку, я затянул ремни наплечной кобуры, зарядил «Марли» и сунул его под мышку. Чехол с ножом прицепил на пояс, сверху накинул короткую кожаную куртку и под конец вытащил из шкафа карабин.

Сдвинул вбок дверцу, вставил в окруженную пентаграммой камеру длинный, показавшийся скользким и холодным винтовочный патрон, провернул барабан и взялся за следующую гильзу. Пять остроконечных серебряных пуль – это немного, но в иных ситуациях гораздо больше, чем ничего. Будь ты хоть обычный человек, хоть тронутый или *поднятый* или даже обретшая плоть сущность – в любом случае мало тебе не покажется.

После я до упора закрутил ключ, тем самым взведя пружину, которая после каждого выстрела проворачивала массивный барабан, закинул на плечо ремень увесистой переноски с дополнительным боекомплектом и вышел в прихожую. Там прислонил оружие к пуфику и только принялся зашнуровывать спортивные туфли на каучуковом ходу, как с кухни выглянул Дворкин.

– Значит, все же прорыв, – задумчиво пробормотал он, разглядывая мою экипировку.

– Куда намылился?

– Покурить, – помахал Кай зажатой в руке папиросой.

– Ну-ну, – усмехнулся я и нацепил на макушку кожаную кепку. – Надеюсь, мне не придется вас по танцевальным клубам разыскивать?

– Если честно, у меня были на эту ночь совсем другие планы, – досадливо поморщился репортер. – Но твоя ж неугомонная...

Я тихонько рассмеялся и крикнул на кухню:

– Дорогая, не скучай!

– Чао, любимый! – донеслось в ответ.

Тогда вышел на лестничную клетку, и Кай немедленно двинул следом.

– Возвращайся быстрее, – попросил он, доставая коробок спичек. – Может, успею в утренний номер заметку о твоих приключениях тиснуть.

– И не надейся! – отмахнулся я от проныры, сбежал на первый этаж и остановился на крыльце, высматривая полицейский автомобиль. Но нет – патрульная машина еще не подъехала.

Зато во дворе обнаружился незнакомый лимузин, в салоне которого мелькали огоньки сигарет, а из опущенных боковых окон вырывались клубы табачного дыма.

Машина с потушенными фарами, парни в костюмах, многочисленные окурки на асфальте...

По спине пробежал холодок, и левая ладонь сама собой легла на переднюю рукоятку винтовки – наклонную, с удобными выемками под пальцы. Сбежав по ступенькам, я приблизился к подозрительному автомобилю и спокойно поинтересовался:

– Ну, и кого ждем?

– Чего?! – Водитель выглянул в окно и, заметив у меня в руках излюбленное оружие гангстерских разборки, явственно побледнел. – Мы ждем, да... – проблеял он.

– Кого? – повторил я вопрос.

– Романа Волина, – наконец выдавил из себя перепуганный парень. – Мы с ним, охраняем...

– Приберитесь здесь. Чтоб ни одного окурка не было, когда вернусь.

И я зашагал навстречу въехавшему во двор полицейскому автомобилю. Забрался к сидевшему за рулем протее инспектора Крамера, устроил карабин в ногах и спросил:

- Куда ехать, знаешь?
- Да, – односложно ответил Артур Левин.
- Тогда вперед.

Автомобиль сорвался с места и помчался по пустынным улицам города. Артур и в самом деле оказался хорош. Он выжимал из заточенной в двигатель сущности все возможное и вместе с тем не оставлял ей ни малейшего шанса вырваться на волю или засбоить. Шины на просохшем асфальте нисколько не скользили, и, несмотря на предельную скорость, у меня ни разу не возникло опасения, что автомобиль вот-вот вылетит на тротуар.

Вскоре мы свернули в район складов, и Артур припарковался перед перекрестком, блокированным парой полицейских машин.

- Уже в курсе, что теперь при мне? – спросил я тогда.
- Да, – кивнул парень.
- Тогда идем.

Выбравшись из салона, я нацепил служебный значок на карман куртки и беспрепятственно прошел за оцепление. Остановившись посреди перекрестка, огляделся и поспешил к распахнутым воротам обычного на вид склада с приткнувшимся к ним пожарным автомобилем; Левин потрусил следом.

Пара крепких парней в брезентовых накидках ритмично качали помпу, третий огнеборец, не без труда удерживая бившийся в руках брандспойт, заливал мутной жижой пустую площадку складского двора. Нестерпимо несло хлором и алхимическими реагентами, растекавшаяся по асфальту пена пузырилась и испарялась столь быстро, что над ней курился явственно различимый даже в темноте желтоватый дымок.

Прижав к лицу носовой платок, я махнул рукой лейтенанту из дивизиона алхимической безопасности, и тот, оставив подчиненных монтировать на железную треногу мощный электрический прожектор, поспешил к нам.

- Специальный комиссар Грай, – представился я. – Что у нас здесь?

Лейтенант стянул с лица резиновую маску с круглыми стекляшками окуляров, несколько раз жадно глотнул ртом воздух и вытер вспотевший лоб.

– Прорыв, – наконец выдавил он из себя. – Не особо сильный, третьей категории сложности примерно.

- Локализован?
- Склад выстроен на совесть, мы контролируем единственный выход, но внутри как минимум двое поднятых. Патрульные.
- На кой ляд они туда сунулись?
- Никаких признаков прорыва не было, они действовали по инструкции. Услышали шум, вызвали подкрепление и отправились разведать ситуацию.
- Черт! – Не люблю в таких делах ненужных осложнений. – Кто-нибудь еще там есть?
- Нет, только они.

Я вновь прикрыл нос платком и, подступив к воротам, попытался почувствовать присутствие растекшегося по городу безвременья. Но вонь хлора оказалась слишком сильна, легкие тут же начал рвать кашель, и сосредоточиться не получилось.

А вообще – так вот и не скажешь, что прорыв случился. Обычно утечка безвременья сразу ощущается, здесь же вообще никаких признаков не наблюдается.

Но что-то ведь с патрульными стряслось? Да и лейтенант на паникера не похож.

Продвинувшись на несколько шагов вперед, я засек время и отвел взгляд от циферблата хронометра. Немного поглазел по сторонам, а когда по моим внутренним ощущениям прошла ровно одна минута, сверился со стрелками.

Ошибся всего на пару секунд. И это тоже категорически не вписывалось в общую картину: близость Вечности неминуемо приводила к нарушению чувства времени. Неподготовленный человек в такой ситуации не мог отличить минуту от часа, и даже с моим самоконтролем погрешность в две секунды была ничтожно мала.

– Много у вас реагента осталось? – вернувшись к лейтенанту, уточнил я.

– Четверть бака.

– Прикроете, если что.

– Берете командование на себя? – на всякий случай уточнил тот.

– Только в части санации территории, – заранее оговорил я условия разграничения полномочий.

Лейтенант кивнул и скомандовал пожарным:

– Сдайте назад!

Огнеборцы перестали качать помпу и забрались в кабину, их коллега, утаскивая за собой увесистый шланг, начал медленно отступать вслед за автомобилем. Артур шумно сглотнул и потянул из кобуры табельный револьвер.

– Убери, – потребовал я, но тут же передумал. – Нет, стой, – и, уже обращаясь к столпившимся поодаль патрульным, уверенно заявил: – Ситуация полностью под контролем специального дивизиона! В личное дело каждого участника операции будет внесена запись о прохождении семинара по локализации и санации мест, пораженных безвременьем!

Послышались смешки.

– Ну-ка, разговорчики! – прикрикнул я. – Первый момент, который вы должны крепко-накрепко зарубить себе на носу: револьверные боеприпасы абсолютно неэффективны против поднятых!

– Идут! – предупредил меня лейтенант.

Прожектор вспыхнул, заливая двор пронзительным электрическим светом, но сразу сыпанул искрами и потух.

Вот так всегда...

– На стрелковую позицию выдвигается Артур Левин, – скомандовал я. – Остальные готовятся!

– Я? – удивился Левин, только тут обнаруживший, что патрульные вооружены двустольными штуцерами, а бойцы дивизиона алхимической безопасности – барабанными винтовками вроде моей. – Но...

– Пошел!

Затянувшая двор желтоватая дымка понемногу рассеивалась, и в ней уже маячили медленно приближавшиеся к воротам силуэты. Один, второй...

Те самые патрульные?

– Огонь, – скомандовал я Левину.

Парень взвел курок, прицелился и заколебался, не решаясь потянуть спусковой крючок.

– Но они же... – пробормотал Артур. – Это же полицейские! Они свои!

– Вот! – с выражением произнес я и обернулся к притихшим патрульным. – Это в нашей работе самое неприятное. И очень многие отличные ребята погибли именно потому, что не сумели выстрелить по своим. По тем, кого знали не один год, с кем каждый день курили и каждую пятницу накачивались пивом. Не повторяйте их ошибок! Наши коллеги уже мертвы, и хуже им точно не будет. Мертвы! Зарубите это себе на носу! То, что вы сейчас видите, – всего лишь телесная оболочка, просто мясо и кости. Они не вернуться. И мы должны подарить покой их телам. – И сразу, без перерыва заорал Левину прямо в ухо: – Огонь, я сказал!

Парень вздрогнул и спустил курок. Револьвер в его руке сильно дернулся; Артур решил, что промахнулся, и выстрелил вновь сразу два раза подряд. Раз, другой!

Поднятый в полицейской форме лишь покачнулся и продолжил свое размеренное движение.

– Левин, назад! – распорядился я и поймал на мушку лоб захваченного порождением Вечности человека. Потянул спуск – бум! – приклад толкнулся в плечо, голова покойника мотнулась, и он мешком повалился на асфальт.

Взведенная пружина заставила с сочным лязгом провернуться барабан, я спокойно прицелился во второго поднятого и упокоил несчастного единственным метким выстрелом в голову. На этот раз пуля прошла навывлет, и, перед тем как патрульный свалился в желтую пену, из его простреленного затылка хлестанула длинная струя крови.

– И что дальше? – хрипло спросил Артур, убрав револьвер в кобуру.

– Согласно регламенту, нашей задачей является контроль территории до прибытия подкрепления! – произнес я. – Продолжаем инструктаж!

Полицейские с облегчением перевели дух, а вот Левину такой расклад не понравился – парню не терпелось действовать.

– Как вы уже убедились, револьверные боеприпасы совершенно неэффективны против поднятых и почти столько же мало они действуют на тронутых, не говоря уже о воплощенных сущностях! – повысил я голос. – Именно поэтому в каждом патрульном автомобиле находится штуцер! Даже с учетом избыточной в большинстве случаев мощности семьдесят пятого калибра устройство раскрывающихся после попадания в тело пуль практически полностью исключает случайное ранение третьих лиц. В то время как винтовочные боеприпасы пятидесятого калибра обладают несравненно большим пробивным действием и могут поразить сразу несколько человек, оказавшихся на линии огня...

Обычный для инструктажей казенный язык окончательно успокоил полицейских, и они расслабились, полагая, что все самое опасное осталось позади.

Я их в этом заблуждении разубеждать не стал, решив для начала дождаться того самого предусмотренного регламентом подкрепления, и вскоре патрульные расступились, освобождая место проехавшему за оцепление служебному автомобилю.

Вот только к моему немалому удивлению первым из него выбрался не дежурный по дивизиону, а начальник всего управления полиции.

Не понял?! С чего бы это на место преступления столь высокое начальство пожаловало?

Вслед за капитаном появился хлипковатый на вид Ян Навин, и тут уж пришла пора тарашиться от удивления моему подопечному.

И немудрено: Ян Навин с напوماженными волосами, в приталенном пиджаке модного покроя и сорочке нежно-розового оттенка походил скорее на танцовщика известной ориентации, нежели на комиссара специального дивизиона полиции.

У незнакомых людей его внешний вид и манера говорить зачастую вызывали улыбку, а вот те, кто уже пересекался с ним по работе, ничего смешного в комиссаре больше не находили – очень уж специфичные штуки умел проделывать Навин своей опасной бритвой. Коллеги на всякий случай старались держаться от него подальше; я хоть и делил с Яном кабинет, тоже особо близко с напарником не сходил.

– Виктор, как обстоят дела? – спросил капитан, оправляя мундир.

– Ситуация под контролем! – уверенно отчитался я и на всякий случай уточнил: – Или нет?

Выезд высокого начальства на место происшествия субботним вечером никак не мог считаться рутинной. Впрочем, и гибель двух патрульных – тоже.

– В смысле? – удивился капитан. – А! Не обращай внимания! Просто перед выборами нам не нужны осложнения. Ведь так?

– Совершенно верно.

Тут на перекрестке полыхнули магниевые вспышки, и, бросив небрежное:

– Разберитесь тут поскорее, – капитан расправил густые, торчащие в разные стороны усищи и зашагал к толпившимся за оцеплением газетчикам.

Они-то откуда взялись?

Хотя нет, откуда – совершенно понятно. Не забывая о приближении выборов, руководство решило не упускать возможности напомнить избирателям, что в городе все под контролем. На публику пошел работать...

– Морж уже все? – спросил вернувшийся от ворот Навин.

Капитан массивным сложением и седыми усами и в самом деле напоминал прямоходящего моржа, но я его на людях так никогда не называл, а потому просто кивнул.

– И кто пойдет? – небрежно поинтересовался Ян, словно происходящее его несколько не волновало.

Впрочем, возможно, так оно и было. А вот у меня непонятно с чего давило сердце.

– Схожу сам, – решил я. – На тебе ворота.

– Решено, – не стал спорить Навин.

– А я? – всполошился Артур.

– Жди здесь.

– Но как же? – опешил паренек. – Я ведь с вами?

– Жди здесь, – повторил я и прошел во двор.

Сущности сами по себе не появляются; где-то на складе должен быть провал в Вечность, и неподготовленному человеку там делать нечего. Безвременье коварно: и не заметишь, как в голову заползет какая-нибудь тварь. К тому же сознание обывателя просто не способно вместить в себя мысль, что время может вот так вот взять и исчезнуть.

Вечность – это вечность. Это все ставшие уже прошлым мгновенья и все мгновенья, которым еще не пришел срок, но вот настоящего, того самого «мига-здесь-и-сейчас», там нет.

Возможно, Левин в будущем и сумеет поступить в специальный дивизион, но сейчас он точно не готов. Перегорит на первом же деле, и что с ним потом делать? Инспектор Крамер такому повороту событий вряд ли обрадуется.

Осторожно ступая по залитому желтой пеной асфальту, я направился в глубь двора, но почти сразу остановился и недоуменно покрутил головой: воняло здесь просто жутко, а вот признаков близкого прорыва безвременья, вопреки обыкновению, несколько не ощущалось.

Так что же стряслось?

Откуда взялись сущности, если нет провала в Вечность?

Неужели кто-то провел их сюда намеренно?

Пораженный неожиданной догадкой, я попятился назад, и тогда скрывшаяся на складе тварь допустила ошибку. Решив, что добыча ускользает, она перестала прятаться и вломилась в мое сознание.

И сразу навалился страх. Страх обрушился настоящим водопадом эмоций, от простой неуверенности перед экзаменом до дикого приступа ночного ужаса, когда ты замираешь под одеялом и боишься даже просто открыть глаза.

Страшно.

Страшно находиться здесь; страшно дышать; страшно просто существовать.

Страшно? Ну да.

Но стоит ли бояться страха? Своего собственного страха?

Страх – это ничто. Страх – мой старый знакомый.

Когда доводил себя до изнеможения в спортивном зале, когда до седьмого пота колотил боксерскую грушу, когда на счет восемь поднимался после прямого в голову или на улице выходил сразу против троих, я бил по собственному страху. Не убивал его в себе, но заставлял подчиниться. Брал под контроль.

И вполне в этом преуспел.

Именно поэтому, когда из дверного проема вывалилось несколько терявшихся в темноте фигур, я не бился в истерике, а твердо стоял на ногах, и винтовка не дрожала у меня в руках.

Дульная вспышка осветила двор, кусок серебра шибанул в лоб поднятого, шагавшего первым, и того отбросило на залитый пеной асфальт. Барабан мягко провернулся, я перевел прицел и вновь потянул спусковой крючок. Походившего на пугало бедолагу качнуло, но он устоял на ногах, и лишь третий, полностью снесший макушку черепа, выстрел повалил его навзничь.

С разряженной винтовкой я выскочил за ворота и, пробегая мимо Навина, крикнул:

– Принимай на себя!

Сам, откинув дверцу барабана, один за другим сноровисто выбил из камор все стреляные гильзы и только выдернул из гнезда переносной пентаграммы запасной патрон, как Ян Навин скомандовал:

– Первые номера, огонь!

Громыхнули штуцеры патрульных, захлопали винтовки полицейских дивизиона алхимической безопасности, а когда стрельба начала смолкать, Ян без промедления распорядился:

– Вторые номера, огонь!

В итоге с поднятыми было покончено меньше чем за минуту. К сожалению, с притаившейся на складе сущностью так легко было не разобраться.

– Перезаряжаемся! – распорядился Навин, после повернулся ко мне и спросил: – И что там?

– Сущность страха.

– Да ну?

– Сам ничего не понимаю.

Я повесил винтовку на плечо, вытащил из чехла нож с зеркальным клинком и двинулся к неподвижным телам. Навин, поигрывая своей опасной бритвой, осторожно ступал следом.

Чтобы обычная сущность страха поработила столько людей и никто вырваться не сумел? Ерунда какая-то...

– Однако... – протянул вдруг включивший электрический фонарь Ян и брезгливо поморщился.

И в самом деле – лежавшие на асфальте тела оказались, так скажем, несвежими. Ссохшиеся конечности, изуродованные разложением лица, одежда в бетонной пыли и комках засохшего раствора. Кто-то выглядел лучше, кто-то хуже, но большинство скалилось жуткими улыбками черепов.

– Похоже, когда склад строили, их в фундамент залили, – предположил я. – Еще и это дело на нас повесят.

– Зданию лет двадцать, чего им не лежалось? – нахмурился Навин. – Ладно бы сущность безнадежности или мести из Вечности дотянулась. Но страх?

– Идем?

– Пошли.

Мы осторожно приблизились к распахнутым дверям склада, и яркий луч ручного фонарика высветил выломанные изнутри запоры. Изнутри, да.

А только шагнули за порог – и сразу в глаза бросился вспученный, будто взорванный пол. Всюду валялись бетонные обломки, в воздухе до сих пор витала цементная пыль.

– Отсюда они и лезли, – решил Ян и вдруг плавным, танцующим движением крутнулся на месте. Бритва в его руке описала стремительную дугу и чиркнула по вынырнувшей из темноты сущности. Острейшее стальное зеркало легко прошло через чуждое нашему миру создание, и отсеченная конечность мгновенно истаяла, не оставив после себя даже праха.

Тварь стремительно отшатнулась в мою сторону, я встретил ее ударом ножа, а когда зеркальный клинок вспорол полупрозрачное марево, ухватил левой рукой пульсировавшее слабым сиянием сердце и стиснул его в кулаке. Стиснул, напрягся – и погасил.

В голове замельтешили обрывки чужих – или чуждых? – эмоций и воспоминаний, колючие коготки страха сбежали вниз по позвоночнику, но мое внутреннее время легко растворило в себе ментальные обрывки сущности.

– Порядок? – уточнил Навин.

– Да, – ответил я, стряхивая оцепенение. Страх, страх – я не твой. – Порядок.

– Ты только посмотри, – позвал меня Ян, встав на краю развороченного пола и глядя в бездонную яму. – Их всех здесь замуровали! Как думаешь, придется расследовать?

– Без вариантов, – вздохнул я.

Гангстеры могут сколько угодно грызться друг с другом, но создавать проблемы добропорядочным горожанам они не должны. Нельзя устраивать несанкционированное погребение, просто взяв и залив трупы бетоном. Нельзя – не столько даже с этической точки зрения, сколько из-за элементарного здравого смысла. Мертвые не всегда остаются мертвыми, и уж точно их не удержит под землей обычный бетон.

– Не могли сжечь, что ли? – поморщился Навин, поправляя жемчужную запонку. – Еще повезло, что сюда лишь сущность страха пробралась.

– Не уверен. – Мое внимание привлекло разбитое окно под потолком. – Посмотри!

– Думаешь, кто-то сбежал?

– Не исключено, – пожал я плечами и прошелся по складу, то тут, то там примечая следы недавнего присутствия алхимика. Вот яркий, свежий мазок краски, вот горстка серого пепла. Непонятные запахи, смятая жестянка керосина, кровавый отпечаток ботинка...

Кстати, откуда кровь? Крови здесь быть не должно.

– Виктор, не это ищешь? – подозвал меня Навин и указал носком кожаной туфли на темную полосу на бетонном полу.

Я присел и сразу уловил резкую вонь алхимического растворителя. Дабы не оставлять лишних улик, пентаграмму небрежно затерли, но факт остается фактом – сущность кто-то вызвал.

– Алхимик порезвился? – Встав на краю пролома в полу, Ян Навин принялся в глубокой задумчивости раскладывать и закрывать бритву.

– Пусть криминалисты разбираются, – пожал я плечами. – Подстрахуй лучше.

– Хочешь посмотреть?

– Да.

– Давай руку. Все, держу...

Я перебрался через вздыбившийся обломок бетонной плиты, наклонился, заглядывая в яму, и вокруг немедленно растеклось безвременье. Вой полицейских сирен на улице как обрезало, накатила апатия, головокружение, беспричинный страх. Левая ладонь загорелась огнем, а сама яма неожиданно разрослась, легко сравнявшись размерами со складом, а то и превзойдя его.

А в голове – шепотки, шепотки, шепотки. словно с тихим шуршанием сыплются из чаши песочных часов нерожденные пока еще секунды грядущего и прямо в падении становятся частичками уже мертвого прошлого. Никакого настоящего – одни лишь шепотки, шепотки, шепотки...

Не без труда переборов гипнотическое воздействие Вечности, я заставил себя сосредоточиться, и марево безвременья постепенно рассеялось, открыв торчавшие из бетона обломки костей, клочья одежды и сохшую плоть. А где-то, такое впечатление, далеко-далеко внизу, закручивалась призрачным водоворотом непонятная серость. Она потянула меня на дно, и я поспешно стиснул ладонь Навина.

Тот немедленно выдернул меня из ямы и, даже не дав толком отдышаться, спросил:

– Ну?

– Работал настоящий мастер, – поежился я. – Локализация пробоя просто потрясающая.

– Там воронка?

– Да, наверх не хлынет. Но самим не закрыть, придется дежурного алхимика вызывать.

Мы покинули склад и сразу увидели маячившую в воротах дородную фигуру капитана.

Судя по его взволнованному виду, пресс-конференция не задалась.

– Хочет пригласить нас сфотографироваться? – с усмешкой предположил Навин.

– Сомневаюсь, – вздохнул я и, разумеется, оказался прав.

– Прорыв на городском кладбище! – заявил капитан, стоило только нам приблизиться. –

Надо действовать быстро, пока не пронюхали газетчики!

Оно и понятно – большую часть кладбища занимали склепы самых именитых семейств города, да и простую могилу там могли позволить себе исключительно представители истеблишмента. Алхимическая защита обходилась управляющей компании кладбища весьма недешево, но стоила каждой потраченной на ее содержание монеты, поэтому тот факт, что в ней обнаружилась прореха, не мог не вызывать удивления.

– Орел или решка? – достал Навин монету.

– Орел, – выбрал я.

– Перестаньте! Виктор, приберешься здесь. Ян, отправляйся на кладбище, – за нас решил капитан. – Понадобится подкрепление, звони дежурному.

– Как скажете, шеф, – пожал Навин плечами и поспешил к служебному автомобилю.

А я достал портсигар, закурил и опустился на бордюр в ожидании криминалистов, помощников коронера и дежурного алхимика. Ночь обещала быть долгой.

Так оно и вышло.

Домой вырвался лишь утром. Поднялся на свой этаж и с удивлением уставился на Кая Дворкина, который курил, вальяжно развалившись на верхней ступеньке лестницы. Рядом с ним стояла недопитая бутылка вина и распотрошенная пачка папирос.

– Не понял? – удивился я. – Вы не разошлись еще?

– Разошлись.

– А ты тогда чего?

Репортер неопределенно пожал плечами и тяжело вздохнул.

– Да надоело все. Сил никаких нет, – заявил он, явно имея в виду свои отношения с Эллой.

– Так брось ее.

– Брось! – рассмеялся Кай и хлебнул вина. – А сам бы смог?

– Нет, – признал я и уселся рядом.

– Вот видишь. – Дворкин сунул мне бутылку и достал блокнот. – Ты рассказывай, какая беда там опять у вас приключилась, рассказывай. Мне в газете не за красивые глаза деньги платят, чтоб ты знал...

Глава 3

Пронзительное дребезжанье будильника ударило по нервам не хуже выстрела над ухом. Меня аж подбросило.

Дотянулся до тумбочки, утопил кнопку звонка и с облегчением повалился на подушку. Но сразу собрался с решимостью, заставил себя подняться и поплелся в ванную.

Вставать после трех часов сна, особенно если не высыпаешься вторые сутки подряд, – не самая приятная на свете вещь.

Кофе, надо срочно выпить крепкого кофе...

– Что это с тобой? – удивилась Анна моему столь раннему появлению на кухне. – Сегодня же воскресенье.

– Дела, – пробормотал я.

Вчера предупредить подругу об изменившихся планах не получилось, поэтому известие это стало для нее неприятным сюрпризом.

– Сегодня же выходной! – возмутилась девушка. – Единственный день, который мы проводим вместе! Я рассчитывала сходить в кино или театр...

– Сегодня никак.

Подруга недобро глянула в ответ и насупилась.

– Между прочим, Роман приглашал меня на прием в мэрию, – заявила она.

– И что ты ему ответила?

– Сказала, что при желании всегда могу составить компанию отцу.

Я сделал несколько глотков кофе, столь крепкого, что сразу заколотилось сердце, и ухмыльнулся:

– Если мне не изменяет память, твой папа заявил, будто кое-кому нечего делать в этом гнезде порока?

– Не важно! Я отказалась от приглашения, рассчитывая провести этот день с тобой, а ты убегаешь на работу! В воскресенье! Это нечестно!

– Извини, капитан ждет к десяти. Очень необычное дело.

– У тебя каждый раз одно дело на другое не похоже! – расстроилась Анна, начала натягивать резиновую перчатку, тотчас раздраженно откинула ее и повысила голос: – Виктор!

– Да?

– Молоко.

Я поднялся с табурета и достал из хранилища запотевшую бутылку.

– Слушай, дело действительно необычное.

Девушка отмахнулась и выставила передо мной тарелку с глазуньей.

– Анна! – вкрадчиво произнес я. – Мы нашли замурованные в фундамент тела...

– Эка невидаль! – фыркнула подруга.

– По документам, склад построен двадцать пять лет назад. Как раз в то время Адам Марон начал расчищать себе дорогу наверх. Возможно, нам наконец получится засадить его за решетку!

– Да он со дня на день преставится! – не сдержалась Анна. – Оставили бы уже старика в покое!

– В тюрьме тоже есть крематорий.

Девушка раздраженно мотнула головой и с вызовом поинтересовалась:

– Надеюсь, ты не забыл о завтрашнем вечере?

– Как я мог забыть о твоём дне рождения? – округлил я глаза, отпил кофе и вдруг заметил нераспечатанный конверт на другом краю стола. – А это что?

– Не знаю, – буркнула девушка, – вчера вечером тебе курьер принес.

Воспользовавшись обычным столовым ножом, я вскрыл непонятное послание, заглянул внутрь и усмехнулся:

– Ладно, не переживай. В любом случае у тебя сегодня дел невпроворот.

– Каких это? – удивилась Анна, вытирая руки о передник.

– Сделать прическу, обновить маникюр, купить новое платье...

Девушка выхватила красочный бланк, в который каллиграфическим почерком личного секретаря мэра были вписаны наши имена, взвизгнула от восторга и расцеловала меня в обе щеки:

– Виктор, я тебя люблю!

– А уж я как тебя люблю! – рассмеялся я, незаметно для подруги скомкав сопроводительную записку, в которой Алекс Бриг настоятельно просил вечернее мероприятие не игнорировать.

– Как тебе это удалось? Ты кого-то убил?

– Поверь, это было далеко не так просто...

– Все, я побежала! – Анна вывернулась из моих объятий и, оставив на столе нетронутый завтрак, умчалась с кухни. – Надо сделать прическу! И маникюр! И надеть на прием совершенно нечего!

Я только покачал головой и занялся глазуней.

Артур Левин подъехал к парадному без четверти десять. Я как раз успел побриться и собраться, когда за окном требовательно рявкнул автомобильный клаксон.

– Уже уходишь? – выглянула Анна из приоткрытой двери ванной.

– Да, пора бежать.

– До вечера, любимый!

– До вечера!

Захлопнув входную дверь, я спустился во двор, забрался на переднее сиденье и распорядился:

– В управление.

– Будем заниматься вчерашним делом? – поинтересовался Артур.

– Да, придется покопаться в архивах.

Но не пришлось. Стоило только подняться на седьмой этаж, как попавшийся навстречу дежурный по дивизиону ткнул пальцем в потолок.

– К капитану, – проходя мимо, сообщил он.

Артур Левин решил было сунуться следом, но я отправил его в комнату отдыха, а сам поднялся в приемную капитана и спросил у секретарши:

– Меня ждут?

– Виктор! – расплылась та в очаровательной улыбке. – Ты же знаешь, я только тебя и жду!

– А шеф? – даже не улыбнулся я в ответ.

Броский макияж, излишне глубокий вырез декольте и неприлично короткая по меркам общественной морали юбка могли ввести в заблуждение посетителя со стороны, но и только. На деле эта обворожительная дамочка держала канцелярию управления в ежовых рукавицах, и даже начальники дивизионов относились к ней с определенной долей опаски.

Флиртовать с крокодилом? Увольте.

– У него Навин, но ты тоже среди приглашенных.

Я кивнул, открыл дверь кабинета и с порога уточнил:

– Можно?

– Да, Виктор, заходи.

– Что-то случилось? – оценив хмурый вид шефа, спросил я.

– Много чего случилось, – угрюмо проворчал капитан, машинально разглаживая усы. – Принимай серию ограблений. Будешь работать с Крамером.

– Что?! – не поверил я собственным ушам. – Какие ограбления? У меня же вчерашний склад с кучей мертвецов!

– Им займется Ян.

– Но...

– Вопрос обсуждению не подлежит! – И капитан с силой хлопнул своей лапищей по столу. – Дивизион криминальной полиции зашивается, они грабителя еще год ловить будут!

– И что с того?

– Что с того?! – аж привстал шеф с кресла. – У нас уже два трупа на руках! И вооруженный псих на улицах! Нужна шумиха в прессе?! Займись этим делом немедленно! – Он плюхнулся обратно и махнул рукой. – Все, свободен. Материалы у тебя на столе.

– Вас понял, – подчинился я и вышел в приемную; загадочно улыбающийся Навин выскользнул следом.

– Как тебе это удалось? – развернулся к нему. – Это ведь было мое дело!

– Идем, – указал тот на дверь и уже в коридоре, когда мы остались наедине, многозначительно произнес: – Не все так просто, Виктор. Не все так просто.

– И это ты мне об этом говоришь?

– Между нами, – утопив кнопку вызова лифта, понизил Ян голос едва ли не до шепота, – вчера на кладбище засветилась сущность со склада.

– Да ну? – нахмурился я.

– Точно! И ты не поверишь, в чей склеп она вломилась!

– Подожди, сущность вломилась в склеп? Не проникла туда через Вечность?

– В том-то и дело! Алхимические формулы взломала, как гнилой орех. Ночной сторож, который первым наткнулся на эту тварь, умер от старости. Слово за пару секунд лет сто прожил. А уж что она с охранниками сотворила! Видел когда-нибудь человека, которого сбил локомотив?

– Ну.

– Один в один. Впечатляет?

– Впечатляет, – признал я и первым шагнул в пустую кабину лифта. – Особенно впечатляет, что ты это дело под себя подгрел, а мне теперь грабежами заниматься!

– И на складе, и на кладбище засветилась одна сущность. Как думаешь, надо объединять дела?

– Надо.

– Вот! – обрадованно воскликнул Ян. – Так разве не логично, что расследованием займется тот, чье происшествие более серьезное?

– С каких это пор взлом склепа стал серьезным происшествием? – фыркнул я и напомнил: – На складе двое патрульных погибли!

Тут лифт остановился, мы вышли в холл седьмого этажа, и напустивший на себя загадочный вид Навин немедленно замолчал. В коридорах навстречу то и дело попадались сослуживцы, поэтому разговор возобновился только в кабинете.

– Так что там со склепом? – напомнил я, усевшись за стол.

Ян плотно прикрыл за собой дверь и поправил меня:

– Со склепом бывшего мэра! – и покачал головой. – Кто-то ненавидит его до сих пор, раз не поленился натравить сущность.

– Да уж, – оценил я всю щекотливость предстоящего расследования. – Удачи. Она тебе понадобится.

– Не знаю, не знаю, – самодовольно рассмеялся комиссар, заправил в пишущую машинку чистые листы, набил шапку, а потом сдвинул каретку вправо и уставился в потолок. – А знаешь, что еще странно? – спросил вдруг он.

Я оторвался от папки с материалами по ограблению прачечной и выжидающе посмотрел на коллегу.

– С утра пришел отчет коронера по твоему *forum delicti*. При проверке останков обнаружилась одна неувязка... Мертвецов на складе найдено девять, а рук – девятнадцать.

– Не понял? – удивился я. Нет, не употребленному Яном латинскому выражению, обозначающему банальное «место преступления», а наличию лишней конечности.

– В бетоне нашли оторванную руку, а одноруких трупов во дворе не было. И нигде на складе тоже.

– Да ну тебя! – Заподозрив розыгрыш, я забрал отчет коронера, пробежался по нему взглядом и предположил: – Возможно, туда одну только руку кинули...

– Криминалисты утверждают, что сустав выломан лишь вчера. Там даже ткани рукава остались. Похоже, поторопились мертвеца выдернуть...

– Выходит, сущность утащила за собой поднятого?

– Очень сильная сущность, – кивнул Ян. – Увести за собой мертвеца – это не шутка.

– Но зачем? Кому мог понадобиться человек, убитый четверть века назад?! Они ведь ничего от него не узнают! Мертвецы не говорят!

Навин вновь кивнул и в задумчивости передвинул стоявший на краю стола телефонный аппарат.

– Мертвецы не говорят, но их тела кое-что помнят. Поднятый может привести своего хозяина в нужное место, – произнес он, замолчал и часто-часто застучал пальцами по клавишам пишущей машинки.

Я вернул ему отчет коронера, прихватил с собой папку с копиями отчетов по вчерашнему ограблению и вышел из кабинета, не зная, завидовать Яну или радоваться, что меня миновала чаша сия. Слишком уж нестандартным и резонансным происшествием был взлом sklepa с останками бывшего мэра. Раскроешь его по горячим следам – молодец, напортачишь – запомнят это надолго.

Вакантное место начальника специального дивизиона так долго пустовать не будет. Так вот сразу и не скажешь, кто из нас остался в выигрыше.

А потому, решив раньше времени не забивать себе голову всякой ерундой, я заглянул в комнату отдыха и окликнул сидевшего в уголке парня:

– Артур, поехали! – после сунул ему папку и зашагал к лифту.

– А мы разве не на вчерашний склад? – удивился Левин, прямо на ходу начав просматривать материалы дела.

– Нет, – поморщился я.

– Но...

– Поехали!

Прачечную «Росинка» ограбили в восемь утра, сразу после открытия. Стоило только подсобному рабочему отпереть входную дверь, и с улицы заскочил вооруженный револьвером парень.

– Работника он застрелил прямо с порога, – указал инспектор Крамер на обведенный мелом контур тела в углу. Стена и стеллажи там были забрызганы кровью. – Хозяин попытался убежать, ему грабитель стрелял уже в спину. Потом выгреб из кассы наличные и скрылся.

– Что с хозяином?

– Жить будет, но толку от него немного. Налетчик замотал лицо носовым платком.

– Соседей опросили?

- Никто ничего не видел, – ожидаемо разочаровал меня инспектор.
- А как иначе? Это же Десятка! – хмыкнул я.

Крамер возразил:

- Сегодня воскресенье, у большинства соседних контор выходной.
- Кстати, а прачечная почему открылась?
- Они в основном гостиницы и кафе обслуживают, поэтому работают без выходных.
- Слушай, Петр, – заинтересовался я. – А сколько денег было в кассе? Монет двадцать для размена? Не больше ведь?
- Тридцать пять, – сверился Крамер с блокнотом и предположил: – Наркоман, наверное.
- Вот спасибо тебе огромное с этим делом! – дал я выход своему раздражению. – Удружили так удружили!

– Привлечь к расследованию специальный дивизион было идеей капитана! – отрезал инспектор, и на его физиономии промелькнуло выражение крайнего неодобрения. – Мои люди, конечно, перегружены, но ты же знаешь, я никогда не действую подобным образом!

- Что со вчерашним ломбардом? Почему вообще связали эти ограбления?

Петр Крамер вытащил изо рта сигару, осмотрел ее и только после этого поделился своими соображениями:

– Сходятся метод действия и описание внешности. Как и здесь, грабитель был невысокий и худощавый, в надвинутой на лоб шляпе и с завязанным носовым платком лицом. Вчера, тоже сразу после открытия, он зашел в «Изумруд» – это ломбард на соседней улице, застрелил приемщика и забрал мелочь из кассы. Барахло с витрин не тронул.

- Ладно, если выясню что-нибудь полезное, дам тебе знать.

Заметив висевшие на стене часы, я сверился со своим хронометром, после вышел из прачечной и подозвал стоявшего у автомобиля Артура.

- Да? – резво подбежал парень.

– Пройдись по соседним домам, поговори с людьми – вдруг кто видел налетчика.

- Но ведь патрульные уже всех опросили? – удивился Левин.

– Местные обитатели не ответят человеку в форме, даже если он просто справится насчет времени.

Артур, который был сегодня в штатском, неуверенно кивнул:

- Хорошо, – и спросил: – На что обратить внимание в первую очередь?

– Выясни, не ошивался ли утром поблизости кто-нибудь незнакомый. Часы в прачечной отстают минут на пять, скорее всего, и открылась она с опозданием. Даже если грабитель подошел точно к восьми, он наверняка дождался, пока отпрут двери, – проговорил я основные моменты и уточнил: – Понял?

- Да, наверное, – заколебался Левин, но сразу поправился: – Так точно! Все понял!

– Вот и отлично. Иди, а я пока работников опрошу.

Артур поплелся обходить соседние учреждения; я же вернулся в прачечную и вполне ожидаемо за сорок минут расспросов не узнал от персонала абсолютно ничего полезного. Никто ничего не видел, не слышал и не знал. Подозрительных типов в заведение не заходили, конфликтов у хозяина ни с кем не было, заработную плату выдавали вовремя, контрагентам тоже платежи не задерживали. И даже сотрудников в последнее время не увольняли ни со скандалами, ни полюбовно.

Тупик.

Решив на всякий случай навестить в больнице раненого, я вышел на крыльцо и не успел еще выкурить сигарету, как появился Артур.

- Ну как? – спросил у него.

– Впустую ходил, – сознался парень. – Все будто воды в рот набрали. Единственное – местный разносчик газет сказал, что незадолго до ограбления кто-то в переулке курил. Но он на велосипеде проезжал, ничего толком не разглядел.

– В переулке? – задумчиво посмотрел я через дорогу.

Лучшего места для наблюдения за прачечной не сыскать. И сам прохожим глаза не мозолишь, и, как только решетки с окон поднимут, сразу увидишь. Потом остается лишь повязать на лицо носовой платок, перейти проезжую часть и достать оружие.

Достать оружие – да. А вот стрелять было вовсе не обязательно...

– Идем, – позвал я Артура и зашагал через дорогу.

Заглянул в узкий проход между двумя глухими стенами домов и сразу увидел несколько небрежно смятых окурков. Поднял один с тремя золотистыми коронами на фильтре, принял – пахло свежим табаком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.